

Дарья Донцова

Экстрим на сером волке

Любительница частного сыска
Даша Васильева

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Экстрим на сером волке
Серия «Любительница частного
сыска Даша Васильева», книга 23

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121251

*Донцова Д. Экстрим на сером волке: Иронический детектив: Эксмо; М.,
2007*

ISBN 978-5-699-20691-9

Аннотация

Конечно же, Даша Васильева не верит в привидения! Поэтому когда ее давняя знакомая Соня Адашева рассказала, что ее преследует призрак – девочка в белом платье с веночком в волосах, Даша авторитетно заключила: все, у подружки съехала крыша. Придет же такая дурь в голову! Но оказалось, что это вовсе не дурь. Через несколько дней Соня отравилась, завещав Даше позаботиться о своей приемной дочери Кате. Забирая ее из родного дома, Даша собственными глазами увидела девочку в белом с венком на голове. И даже отхватила трофей – ее сумку! Зачем фантому ридикюльчик?! Значит, Соню кто-то напугал до смерти – вот она и покончила с собой. А причина, похоже, в ее богатстве. И теперь опасность грозит Кате... Правда, та сама любого призрака может напугать до смерти. Крутой характер! Но

и Даша тоже – крепкий орешек, распутала не одно дело. Так что она еще покажет негодяям небо в вождельенных алмазах!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	44
Глава 5	56
Глава 6	69
Глава 7	81
Глава 8	92
Глава 9	108
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Дарья ДОНЦОВА ЭКСТРИМ НА СЕРОМ ВОЛКЕ

Глава 1

Если вы хотите утром, услышав противный звон будильника, моментально вскочить с кровати, положите сверху на часы мышеловку. Станете спросонья нашаривать предмет, мешающий своим криком вашему мирному похрапыванию, наткнетесь на капкан и мигом забудете про сладкие сны.

Правда, лично мне подобный способ обретения бодрости кажется слегка экстремальным. В былые времена, когда приходилось вставать на работу без десяти шесть, я, разбуженная назойливым попискиванием, тут же била несчастный будильник по «голове» и зарывалась носом в подушку. В мозгу вертелась мысль: вот сейчас полежу ровно пять минут и резво побегу в ванную. Пять минут – это всего лишь триста секунд, вполне успею потом собраться. Глаза закрывались, тело погружалось в теплую дремоту... Спустя энное количество времени веки раскрывались, взгляд падал на циферблат, я в ужасе взлетала над матрасом и, понимая, что вновь невероятно опоздала, на крейсерской скорости неслась в

прихожую. Умывалась и красилась я потом в нашем институтском туалете. Впрочем, добрая половина коллег проделывала то же самое. Оставалось лишь удивиться: ну кто решил, что занятия в вузах должны начинаться в девять утра? По мне бы, первую лекцию следовало назначать эдак в полдень. Во-первых, сильно разгрузится общественный транспорт, и служивый люд доберется до своих заводов и контор не в давке; во-вторых, преподаватели обретут способность ясно мыслить и смогут излагать материал связно; в-третьих, студенты явятся к первой паре, а не к последней и получают нужную инъекцию знаний в полном объеме. Кстати, очень многих лекторов бесят те, кто опаздывает на занятия. Не успеешь открыть рот и выдавить из себя порцию сведений, которые можно спокойно прочесть в учебнике, как дверь с противным скрипом распахивается, и очередной балбес, зевая, вваливается в аудиторию. Ну почему никто не желает осознать, что бедный, мающийся на кафедре препод тоже человек, которому до смерти хочется спать и ему не составляет никакого удовольствия вдавливать в столь ранний час азы знаний в твердокаменные головы юношей и девушек! Бедный профессор отвлечется, взглянет на припозднившегося и мигом потеряет нить рассказа, придется ему потом спрашивать у аудитории:

– Ну, о чем мы вели только что речь?

Наивные студенты полагают, что таким образом преподаватель проверяет, хорошо ли его слушают. На самом же де-

ле несчастный попросту сам забыл, о чем толковал секунду назад.

Я, правда, всегда старалась изобразить, будто не замечаю опоздавшего, исключение сделала лишь однажды. В тот день на улице с утра стояла такая темень, что я едва подавила в себе желание позвонить на работу и соврать:

– Простудилась, три дня буду отсутствовать.

Отогнав мысль о симулянтстве, я с огромным трудом заставила себя добраться до института, заняла место у доски и занудила про образование прошедшего времени во французском языке. Грамматика – скучная наука. В результате через пятнадцать минут в аудитории установилась мертвая тишина. Не надо думать, что студенты, восхищенные невероятно интересной лекцией, усердно записывали ее в тетради. Нет, совсем напротив. За окном стояла непроглядная тьма, ветер завывал, словно обезумевший волк, в зале не горела половина ламп – наш завхоз отчаянно экономил на электричестве. Плееров, мобильных телефонов и тетрисов человечество еще не изобрело, студентам было нечем заняться, и они начали клевать носом. Я великолепно видела, как кудлатые головы падают на раскрытые тетрадки, но продолжала упрямо зудеть про глаголы «иметь» и «быть». В голове поселилась мысль: если они все сейчас уснут, то и мне можно будет смежить веки. До конца пары еще очень много времени, отлично покемарим. Вот уже и староста курса, отличница Маша, смотрит вокруг не бдительным, а затуманенным

взором, скоро она утонет в объятиях Морфея и некому будет «стучать» на окружающих.

И тут, не успела я обрадоваться, что слушатели наконец-то заснули, хлопнула дверь. Студенты встрепенулись, я разозлилась и сердито сказала появившейся на пороге девице:

– Вот что, ангел мой, коли явились с опозданием, извольте входить в аудиторию тихо, как маленькая белая мышка! Понятно? А теперь выйдите в коридор и постоит там минут пять, пока все проспавшие не соберутся вместе, и тогда вы скопом войдете в аудиторию, тихо, словно маленькие белые мышки, ясно? Маленькие белые мышки! Только так!

Девчонка шмыгнула обратно, я раскрыла было рот, но тут дверь опять распахнулась, и на пороге возник огромный негр Рафаэль, представитель одной африканской страны. В советские годы в вузах было много учащихся из так называемых дружественных стран.

Студенты сдавленно захихикали. Рафаэль, дурно говоривший по-русски, приложил палец к губам и трагическим шепотом возвестил:

– Тс-тс, я маленький белый мыш!

Тут уж от хохота слегли все, вместе со мной.

Слава богу, теперь мне не надо зарабатывать себе на хлеб насущный, могу преспокойно вылезти из-под одеяла в районе полудня и, зевая, отправиться пить кофе. Поэтому совершенно непонятно, с какой стати сейчас орет будильник. Я

что, завела его? Куда-то собралась? Да зачем?!

Решив, что произошла ошибка, я повернулась на другой бок и с наслаждением вздохнула. Боже, какое у меня теплое одеяло, замечательный матрас, мягкая подушка...

– Мать, – заорал, врываясь в комнату, Аркадий, – я так и знал! Спишь!

Я села и недовольно спросила:

– С какой стати мне бегать по дому? Только восемь пробило! Лучше ответь, почему ты не на работе?

Аркадий открыл было рот, но тут в мою спальню влетела Зайка и затопала ногами:

– Из-за тебя все опоздают!

– Куда?

Ольга повернулась к мужу:

– Вот. Сколько раз говорила тебе: у Даши в связи с возрастом начинаются мозговые явления! А ты возражал, дескать, мать просто придуривается. Теперь убедился? Разве может нормальный человек забыть то, о чем неделю толкуют домашние! Надо срочно позвонить Оксанке и спросить, что пьют от начинающегося маразма! Сегодня она забывает нужную информацию, завтра начнет ножки у стульев грызть, решит, что это ее любимые сухарики. Я не могу наблюдать, как гибнет личность! Аркадий! Что ты молчишь?

Я задохнулась от возмущения. Маразм! Он бывает только у очень пожилых людей, да и вовсе не со всеми! Если я и забыла о чем-то...

– Не пойму никак, – заглянула в спальню домработница Ирка, – вы синий комбинезон со стразами берете? Или только красный класть? Тот, что Манюня из Парижа привезла?

– О боже! – закатила глаза Ольга. – Ну ничегошеньки никому поручить нельзя! Все самой делать приходится! Синий со стразами! Он же специально куплен!

И тут я мигом вспомнила все.

Тот, кто хорошо знает нашу семью, в курсе того, что в Ложкине проживает стая собак во главе с мопсом Хучем. Каждый год, летом, мы его вывозим на выставку. Хучик никогда не получает медалей, у него, по мнению компетентного жюри, неправильно поставленные уши, слишком крупная голова и беда с задними лапами, слишком уж они кривые. Но Манюня и Зайка не теряют надежды обрести хоть малюсенький дипломчик, потому сборы Хучика на ринг напоминают подготовку супермодели к эксклюзивному показу мод. Вчера мопса торжественно выкупали в шампуне, производители которого пообещали, что собака после использования сего средства будет благоухать фиалками. Затем его шерсть намазали кондиционером, придающим пушистость, потом натерли шкурку специальным лосьоном и отполировали до блеска замшевой тряпочкой. Хуч сначала отбивался, но, поняв, что от судьбы не уйдешь, вздохнул и молча терпел последующие процедуры. Он стойчески вынес чистку ушей и зубов, не стал возражать, когда Зайка специальной щеточкой пригладила ему волосы на хвосте. Бедный мопс лишь чихал, когда Маня

покрывала его когти лаком и примеряла на шею роскошный ошейник из темно-синей кожи с фальшивыми бриллиантами. Кстати, по поводу цвета поводка в нашем доме развернулась нешуточная баталия. Зая сначала предложила розовый, но ее затоптали ногами. Разве уважающий себя мопс-мужчина станет разгуливать, словно Барби, на шлейке поросячьего цвета? Голубой тоже отмели, слава богу, у Хуча нормальная ориентация, черный показался всем мрачным, зеленый и оранжевый – вульгарным, красный излишне игривым, коричневый банальным. Стоит ли говорить, что все домашние, включая садовника Ивана, домработницу Ирку и кухарку Катерину, жарко отстаивали свои позиции? В результате у нас на лужайке завяли тюльпаны, по дому клоками моталась пыль, а на стол подавались сильно подгоревшие ватрушки. Страсти достигли накала в субботу, когда Зая, появившись на экране телевизора, заявила на всю страну:

– Ну а теперь, в самом конце нашего выпуска, о боксе. На ринг вышли мопс Хуч, то есть, простите, мастер спорта...

Вернувшись домой, Ольга устроила всем разнос, а потом заявила:

– Хуч будет в синем! Всем молчать!

Спорить с закусившей удила Заюшкой дело опасное, чреватое непоправимыми последствиями для здоровья, поэтому мы с Манюней порулили в магазин для собак и приобрели там комбинезоны, поводки, шлейки, ошейники, ботиночки, кепочку, плащик, матрасик, попонку, пледик и зонтик. Все

синего цвета.

Увидав «приданое», Хуч потерял всякое самообладание. Впрочем, шлейку он нацепил с видимым удовольствием, небось бедняга подумал, что его берут на прогулку. Но вот от остальной одежды отказался с визгом. Никакие беседы с рефреном: «Приличная собака приезжает к рингу в ботиночках, кепочке и плаще, ты же не бомж какой», на Хуча не подействовали. Поэтому было принято решение: завтра встаем пораньше, забираем все необходимое с собой, едем на выставку, по дороге облачаем Хуча и выводим его из машины при всем честном народе нарядным, надушенным – в общем, великолепным. И вот теперь я проспала.

Испугавшись, что из-за меня Хуч явится на собачью тузовку к шапочному разбору, я мгновенно влезла в джинсы, футболку и понеслась вниз. Домашние метались по холлу, собирая необходимое.

– Сумка с одеждой у меня! – крикнула Маня.

– Пакет с поводками, щетками и кремами в джипе, – сообщил Кеша.

– Во, – задыхаясь, пробасила Катерина, – накость, возьми, тут миска, бутылка минеральной воды без газа, упаковка собачьего печенья, сырные чипсы и кофе в термосе. Вдруг мальчик поест захочет.

– Еще плед нужен, вон тот, новый, чтобы собака не на траве лежала, – суетилась Зайка.

– И матрасик, – добавила Ирка.

– Букетик прихватите? – предложил Иван. – Поставите в вазочку около мопса, классно смотреться будет!

– Где пудра для блеска шерсти?

– Лак для когтей?

– Кепочку, кепочку забыли.

– Зонтик от солнца.

– Раскладные стулья.

– Полотенца, вдруг он измажется.

– Таблетки для освежения дыхания.

– Ватные диски, глаза вытирать.

– Игрушки! Он же заскучает.

Я юркнула во двор и наткнулась на Дегтярева с видеокамерой.

– Ты чем занимаешься?

– Хочу запечатлеть наш отъезд на выставку, – пояснил полковник, – для семейной хроники, отойди в сторону, не мешай процессу!

Я отправилась к своей машине. Интересно, возьмут ли домашние с собой СВЧ-печку, чтобы погреть мопсу еду? Может, посоветовать им прихватить из гостиной диван? Хуч обожает спать на нем, зарываясь в гору пледов.

Наконец, загрузив в багажники неисчислимое количество сумок, все расселись по автомобилям и тронулись в путь. Я вцепилась в руль и тут же услышала звонок мобильного.

– Мать, – сурово сказал Аркадий, – включи фары.

– Зачем? Светло ведь!

– Мы же едем колонной!

Я усмехнулась. Действительно, кавалькада выглядит весьма внушительно. Впереди на черном полированном джипе мчится Аркадий, на переднем сиденье, около водителя, восседает Манюня. Следом на красной иномарке несется Зайка, далее на малолитражном серебристом «Пежо» рулю я, за мной плюхает Ирка на «Жигулях» цвета взбесившего апельсина, замыкает строй Дегтярев, гордый владелец черного «Запорожца». Уж не знаю, что приходит в голову остальным участникам движения при взгляде на нас.

К месту проведения выставки мы прибыли без проблем, разбили лагерь, поставили зонт от солнца и перевели дух.

– Ну, – радостно велела Зайка, – давай, Дашута, веди Хуча.

– Он не у меня, а у Машки.

Машка вытаращила глаза:

– Вовсе нет! Хуча прихватила Ирка! Мопса в джипе всегда тошнит.

– Вы чего? – завозмущалась домработница. – Хуч у полковника.

– Никогда бы не взял собаку! – воскликнул Александр Михайлович. – Он мне мешает управлять автомобилем! Мопс у Кеши.

Круг замкнулся, все притихли.

– Значит, мы забыли его дома! – подвел итог Кеша.

– Немедленно назад! – завопила Ольга.

Я постаралась сохранить серьезное, озабоченное выражение лица. Но предательская улыбка медленно раздвинула губы. Причесанный, надушенный, наманикюренный Хуч преспокойно дрыхнет на любимом диване в гостиной, а взбужденные хозяева с горой прибабасов растерянно топчутся в месте проведения выставки! Такое могло произойти только с нами!

– Живо, – нервничала Ольга, – гоним назад.

Я пошла было к «Пежо», но услышала Зайкино заявление:

– А ты лучше оставайся здесь! Карауль барахло.

– Действительно, – подхватил полковник, – воря кругом развелось – жуть! Страшное дело! На ходу подметки рвут!

Я покладисто села на раскладной стульчик. Вот и хорошо, без меня управятся, я понаблюдаю пока за другими собаками, почитаю детективчик. Взгляд упал на термос и пакет, набитый харчами. Я обрадовалась еще больше: из-за суматохи не успела позавтракать, сейчас же могу спокойно попить кофейку.

Отыскав одноразовые стаканчики, я налила в один ароматного напитка, залпом выпила его и ощутила голод. Порылась в пакетах. Из продуктов имелась лишь собачья еда. Решив, что печенье для мопсов не очень отличается от обычных крекеров, я вытащила один из серых бисквитов и принялась грызть его, надеясь заглушить не к месту разыгравшийся аппетит.

– Даша, – раздался тихий голосок, – надо же, ну и встреча.

Я повернула голову и увидела приятную полную женщину. Коротко стриженные белокурые волосы явно побывали в руках хорошего парикмахера, на шее у нее висела красивая золотая цепочка, элегантный костюм, обувь и сумку она явно приобрела не на толкучке, и пахнет от нее моими любимыми духами – похоже, у дамы нет особых материальных проблем.

– Не узнаешь меня, – улыбнулась блондинка.

– Ну... э...

– Значит, нет!

– Простите, но...

– Неужели я столь изменилась! О тебе такого не скажешь, – проговорила незнакомка, меряя меня взглядом, – небось постоянно на диете сидишь, ни грамма лишнего в рот не возьмешь!

Я хотела было ответить, что ем все подряд и остаюсь при своих сорока восьми килограммах, но вовремя спохватилась. Многие женщины воспримут подобную информацию неадекватно, а я очень не люблю, когда мне завидуют.

– Значит, совсем я постарела, – подытожила женщина, – да уж, время никого не красит! Ладно, давай знакомиться снова: Роза Яковлева.

Я подскочила на стуле.

– Розка! Но ты же была брюнеткой!

Яковлева прищурилась.

– Эко удивленье! Про краску для волос слышала? Человечество придумало много интересного: косметику, например,

мыло опять же... Или ты не моешься?

Я постаралась сохранить на лице улыбку. В последней фразе вся Роза. В те годы, когда мы работали на одной кафедре, Яковлева отличалась редкостным умением так отбрить собеседника, что тот на некоторое время терял дар речи. Впрочем, тогда абсолютное большинство коллег предпочитало не связываться с Розкой. Ее папа, Михаил Николаевич, был ректором нашего вуза, и судьба преподавателя, поставившего на место нагловатую Розу, скорей всего, была бы печальной. На меня вдруг накатили воспоминания.

Глава 2

Яковлева появилась на нашей кафедре весной, и мы тут же поняли: эта девушка укажет каждому его место. Досталось всем, даже старенькому профессору Ивану Митрофановичу Рыжову, некстати сделавшему Розке замечание:

– Уважаемая, кхм, коллега. Вы являетесь преподавателем, то бишь образцом для подражания, должны подавать студентам правильный пример. Не кажется ли вам, что статус учителя предполагает определенные ограничения? Не следует носить мини-юбки размером с ладонь, я себе такого никогда не позволял!

Розка прищурила умело подкрашенные глазки и разразилась тирадой. Она орала с такой силой, что на люстре лопнул один из плафонов. Заключила Яковлева выступление замечательной фразой:

– Вы, Иван Митрофанович, правильно гордитесь, что никогда не носили мини-юбки. С вашими кривыми волосатыми ногами сей наряд противопоказан. Думается, вы и в молодости таскали брюки, смею надеяться, что вы всегда принадлежали к мужскому полу и юбочки не для вас. Впрочем, нет ли среди ваших родственников шотландцев?

Рыжов втянул голову в плечи и бежал быстрее лани, оставив поле боя за молодой особой. Ивану Митрофановичу были свойственны порой странные заявления. Члены кафедры,

уважая его седины и научные заслуги, не обращали на них внимания, но Роза была не из тех, кто умеет интеллигентно молчать. А еще она отлично одевалась, имела две шубки, пользовалась польской косметикой, каждый день душилась дорогими духами и сверкала красивыми колечками. Хватило бы и этого набора, чтобы вся женская часть не только кафедры, но и института возненавидела молодую модницу, но вскоре нашлись и другие, более веские причины для поголовной нелюбви к ней.

Розочка быстро написала диссертацию. Справедливости ради нужно сказать, что работа была вполне удобоваримой, не хуже и не лучше, чем у других соискателей – очевидно, папа-ректор дотошно выправил текст. По-хорошему, диссертацию следовало бы рекомендовать к защите, но наши бабы решили оттянуться и на предварительном обсуждении старательно вытерли о Розу ноги. В особенности неистовствовали две дамы климактерического возраста: Лена Трошкина и Наташа Бойко.

Красная Роза с глазами, полными слез, понеслась домой. Я в аутодафе не участвовала, лежала с гриппом, информация доползла до меня с опозданием, когда реки крови уже пролились. Михаил Николаевич, узнав, как обошлась кафедра с его любимой дочуркой, взбесился и принялся мстить. Лёну Трошкину уволили за опоздания. Де-юре рабочий день в институте начинался в девять утра, де-факто же преподаватели, не имевшие первой пары, спокойно приходили кто к

одиннадцати, кто к полудню. Естественно, никому в голову не приходило, что он нарушает трудовую дисциплину, в вузах не принято сидеть от звонка до звонка. Представьте теперь удивление Ленки, когда ее вызвали на ковер и сообщили:

– Вот список ваших опозданий на службу, забирайте трудовую книжку.

Наташу Бойко выгнать не удалось, но хитрый ректор навалил на нее столько работы, что бедная сама ушла, не вынеся непомерной нагрузки.

Сотрудники кафедры урок усвоили и стали сквозь зубы улыбаться Розке, та же, поняв, что обладает статусом неприкосновенности, позволяла себе более чем резкие высказывания.

Впрочем, ко мне Роза не приставала, я была самой мелкой спицей в колеснице, тягловая рабочая лошадь безо всяких покровителей: ни мужа, ни папы, ни любовника у меня не было. Я не занимала никаких должностей, не стояла у Розки на дороге, одевалась намного хуже ее и не пользовалась в коллективе особым авторитетом. Словом, самая обычная женщина с головой, забитой хозяйственными заботами. Роза меня попросту не замечала. В легкое изумление она пришла, когда я, вернувшись в первый раз из Парижа, одарила всех сувенирами. Когда же по институту на легких ногах разнеслась весть о том, что госпожа Васильева из нищей оборванки

превратилась в богатую женщину ¹, Розка подошла ко мне и предложила:

– Давай сходим в кино!

Мне стоило огромного труда не расхохотаться ей в лицо. От предложенной чести я отказалась, а потом уволилась из института. Более с Розкой мы не встречались и вот надо же, столкнулись случайно на выставке.

Розка села на один из складных стульев и принялась рассказывать о своей жизни. Отец ее умер, докторскую защитить ей не удалось. Муж ушел к другой, детей, слава богу, нет, их заменяет собака породы чихуахуа.

– Где ты работаешь? – для приличия спросила я, совсем не радуясь встрече.

Розка усмехнулась:

– В торговле.

Я улыбнулась:

– Хорошее дело.

– Главное, прибыльное, – кивнула Роза. – Ты продукты где покупаешь?

– Ну... в разных местах.

– Систему магазинов «Рай гурмана» знаешь?

– Конечно, заглядываю в эти супермаркеты.

– И как? Нравится?

– Да, редкое сочетание хорошего ассортимента, умеренных цен и приветливого персонала. У них над каждой кассой

¹ См. книгу Дарьи Донцовой «Крутые наследнички», изд-во «Эксмо».

висит плакат «Улыбка ничего не стоит, но дорого ценится».

– Еще бы этим лентяям не улыбаться за такую-то зарплату, – хмыкнула Роза, – это мои.

– Что твои? – не поняла я.

– Супермаркеты «Рай гурмана», – пояснила Роза. – Я их владелица.

– Да ну? Молодец! Такой бизнес поднять! Неужели ты одна справились? – с искренним удивлением воскликнула я.

Роза улыбнулась:

– Компаньонка у меня есть. Ну-ка, подожди.

С этими словами она вытащила мобильный и сказала:

– Слышь, беги ко мне, центральная аллея, место номер восемьдесят семь.

Потом, сунув сотовый в карман, Роза, засмеявшись, добавила:

– Сейчас еще не так удивишься! Вон, смотри кто идет!

Я проследила за рукой Розки и мгновенно узнала приближавшуюся женщину: Соня Адашева, тоже моя бывшая коллега.

– Дашка! – завопила Сонька, кидаясь мне на шею и царапая ее огромными бриллиантовыми серьгами. – Ну и ну. Это судьба! Только я о тебе подумала на днях, а ты тут как тут. Зачем сюда приехала?

– Шикарный вопрос тому, кто стоит возле ринга с поводком в руках, – Роза не упустила возможности поехидничать, – ясное дело, Дарья хочет тут занавески купить.

– Занавески? – вытаращилась Соня. – Ну это она не по адресу явилась. Слышь, Дашут, лучше всего ткань на рынке брать, пиши адресок.

Я обняла Адашеву еще раз. Вот уж с кем у меня были хорошие отношения, так это с Соней. Ее отец, очень богатый человек, то ли чеченец, то ли дагестанец, то ли ингуш. Простите, если кого-то сейчас обидела, но меня никогда, ни в прошлом, ни в нынешнем времени, не интересовала национальность знакомых.

Все сотрудники нашего института знали, что Соня из очень обеспеченной семьи, но я, ей-богу, не в курсе, чем зарабатывал на жизнь ее папа. В отличие от Розы Соня никогда не выпячивала своего материального благополучия, одевалась скромно и старалась казаться незаметной. Узнав, что я собачница и кошатница, Соня напросилась в гости, а потом изредка бывала у нас, каждый раз принося в подарок что-нибудь вкусное и одаривая Аркашку машинками. Нас можно было бы считать подругами, если бы не одна особенность Сони: она никогда ничего не рассказывала о своей личной жизни. Один раз только обмолвилась, что замуж выйти может лишь за того, кого выберет отец, а он пока не завершил кастинг женихов. И еще, Сонечка очень любила домашних животных, но не могла себе позволить ни щенка, ни котенка, ее родители не жаловали четвероногих и очень дорожили убранством квартиры: мебелью, коврами и занавесками. Мне же было наплевать на дрова и тряпки, поэтому Соня от-

водила душу, играя с Клеопатрой, Снапиком и наблюдая за хомячками и жабами.

Но после того, как наша семья стремительно вознеслась к высотам благополучия, Адашева ходить в гости ко мне перестала. Наверное, не захотела навязываться, или ей запретил общаться с Васильевыми папа.

Сейчас Соня выглядела великолепно: стройная, в элегантной одежде, с эксклюзивными, может, излишне дорогими для дня украшениями. Около ног Адашевой крутился очаровательный шпиц.

– Вот, знакомься, – сказала Соня, – Джозефина, в просторечье Зифа.

Я наклонилась и погладила собачку. Значит, родители Со-ни скончались, а может, она наконец вышла замуж? Я ведь ничего не знаю о Соне, мы мимолетно общались.

– Участники под номерами сорок семь, сорок восемь и сорок девять приглашаются на ринг. Напоминаем, опоздавшие не будут допущены на конкурс, – прозвучало из репродуктора.

– Ой, – засуетилась Роза, – нас зовут! Микки, побежали скорей!

– Можешь не торопиться, – захихикала Соня, – сама знаешь, что у нас Степнов со своей Шельмой в победителях. Он уверен в себе, да и Анька тоже, я видела, разделись, словно на свадьбу, и о моське он как о чемпионе говорит.

– Ну ладно тебе, – отмахнулась Роза, – хватит глупости

болтать.

Оставив после себя запах дорогих духов, она убежала.

– Вот уж не предполагала, что Яковлева может полюбить животное, – растерянно пробормотала я.

Соня улыбнулась:

– Она обожает Микки. Знаешь, кто является генеральным спонсором этого действа, ну, собачьей выставки?

Я пожала плечами.

– Нет, честно говоря, не задумывалась на эту тему. Хотя, действительно, спонсор-то должен быть! Небось собачники не особо богаты!

Сонечка ткнула пальцем в огромный воздушный шар, режущий над полем:

– Вон, читай.

Я вгляделась в ярко-красные буквы.

– «Сеть супермаркетов «Рай гурмана», хорошо, когда есть где купить поесть». Так это вы организуете!

Адашева кивнула:

– В основном Роза, ради Микки старается. Сейчас ему первое место присудят, дадут диплом, кубок. Ей-богу, смешно, впрочем, у Розки ни мужа, ни детей нет, Микки всех ей заменил.

– А ты замужем? – проявила я неделикатное любопытство.

Соня прикусила нижнюю губу, потом ответила:

– Мы ведь давно не общались. Откуда тебе знать о нашей

трагедии? Несколько лет тому назад моя семья поехала отдыхать на Багамы. Я должна была отправиться вместе с ними, но накануне полета поддалась на уговоры дочери, отправилась вместе с ней кататься на роликовых коньках, упала и сломала ногу.

Естественно, ни на какие Багамы Соня не попала. Муж хотел остаться около нее, но Соня, на беду, уговорила его не менять планы.

– Все равно я в больнице лежу, – сказала она, – с какой стати тебе и ребенку у моей койки маяться? Заплатим медсестрам, они меня облизывать будут!

Больше всего потом, когда авиалайнер с предвкушающими райский отдых туристами рухнул на землю, Соню терзала мысль о том, что она сама отправила родных на смерть.

– Ужаснее всего то, – ровным голосом объясняла сейчас Соня, – что приходится жить дальше. Не скрою, мне в голову приходили мысли о самоубийстве, на земле меня удержала только Катюша, дочь погибшей сестры. Девочка очень на мою Аню похожа, я воспитываю ее и живу только ради ребенка. Знаешь, зря говорят, что со временем боль притупляется. Поверь, это не так. Пережить смерть родных невозможно. Я стала религиозной и надеюсь лишь на милость всевышнего. Может, он разрешит нам встретиться в загробном мире.

Большие, чуть выпуклые карие глаза Сони наполнились слезами. Я растерялась. Ну что сказать в подобной ситуа-

ции? Очень сожалею? Прими мои искренние соболезнования? Ей-богу, глупо. Признаюсь, если приходится звонить кому-то из приятелей, у кого недавно скончался близкий человек, я испытываю определенное неудобство, любые слова кажутся нарочитыми, пустыми, поэтому я сразу спрашиваю.

– Нужна ли помощь? Я готова привезти деньги и мыть посуду после поминок.

Но у Сони-то нет никаких материальных и бытовых проблем, да и несчастье случилось не вчера.

Глубоко вздохнув, я решила переменить тему разговора.

– Значит, вы с Розой главные спонсоры шоу?

– Да, – кивнула Соня.

– Небось ваши просьбы члены жюри примут во внимание?

– Конечно, – улыбнулась Соня.

– Слушай, – зашептала я, – помоги мне! У нас имеется мопс Хуч! Мои невестка и дочь мечтают, чтобы он получил хоть какую-нибудь, самую завалященькую медальку, но, увы, Хучик, так сказать, некондиционный товар. Не можешь ли ты попросить судей дать Хучу приз, ну, к примеру... э... зрительских симпатий. Понимаю, что подобная номинация не предусмотрена, но я сейчас сгоняю в магазин и сама куплю кубок. Наверное, написать диплом не трудно? Я готова также выступить спонсором ну там... для состава жюри... понимаешь, да? Мои девочки были бы счастливы, а то мы который год уезжаем с выставок со слезами!

Соня засмеялась:

– С удовольствием сделаю для тебя такой пустяк. Никаких кубков приобретать не надо. Вот что, зарегистрируй собаку и отдай мне талон. Где мопс?

– Его сейчас привезут.

– Отлично, – кивнула Соня, – я буду сидеть на центральной аллее, мое место номер два. Кстати, вот визитки со всеми телефонами. Давай встретимся на досуге, мне нужно с тобой поговорить. Похоже, нас сегодня сама судьба свела. Я собиралась тебя найти! Тут такое дело... Но сейчас говорить не могу...

– Здорово! – воскликнула я, протягивая бывшей коллеге бумажку. – А здесь мои координаты.

На церемонии вручения наград собралось несметное количество собачников.

– За фигом мы сюда приперли? – с тоской воскликнула Машка. – Ясное дело, нас опять прокатят!

– Надежда умирает последней, – нервно перебила ее Зайка, – оно понятно, что в жюри давным-давно существует такса на места, но, может, у этих уродов проснется совесть, и Хучик получит дипломчик за ум и красоту?

– Чего же мы не дали взятки? – разинула рот Ирка. – Деньги ведь есть! Коли жалко, мне б сказали!

Аркадий засмеялся. Зайка сделала вид, будто не услышала наивного замечания домработницы, а Дегтярев моментально влез с нравоучениями:

– Ирина! Взятка унижает и берущего, и дающего. И потом, в таком случае никакого удовлетворения от полученной награды нет. Ну сама посуди...

– Лучшим мопсом этого показа признан... – понеслось из динамиков.

– Ну вот, – прошептала Зайка, – снова Хучику ничего...

– ...Хуч, владелец Мария Константиновна Воронцова.

– И-и-и, – завизжала Ирка, – Манюня, беги скорей!

– Это нас? – растерянно спросила Машка, оглядываясь по сторонам. – Какая-то Мария Константиновна Воронцова.

– Смею напомнить, – скривился Кеша, – что отчество и фамилия достались нам с тобой вследствие некоторых махинаций матери от дядечки Константина Воронцова, не к ночи помянут будет. Ты так одурела, что забыла, как тебя зовут?

Машка ринулась сквозь толпу, выставив вперед апатично похрапывающего Хуча. Зая кинулась за ними.

– А ну подвиньтесь, – разнеслось над толпой ее хорошо поставленное «телевизионное» сопрано, – не видите разве? Чемпиона несут! Лучшего из лучших! Мопс Хуч! Семья Васильевых–Воронцовых!

– Ну и ну! – только и смог сказать Кеша.

Дегтярев обиженно засопел.

– Ольга очень неделикатна! Семья Васильевых–Воронцовых! А я что, чужой?

Сильные пальцы Кеши схватили меня за плечо.

– Мать! Признавайся! Твоя работа?

Я заморгала.

– Каким образом я сумела бы проделать подобное? Просто жюри наконец-то устыдилось и оценило Хуча по достоинству.

Аркашка с недоверием покачал головой. Дегтярев поднял камеру.

– Во! Смотрите, медаль вешают!

Я, поднявшись на цыпочки, наблюдала за действием.

Красная, как перезрелый помидор, Машка держит кубок. Бледная до синевы Заюшка прижимает к себе диплом. Хуч безучастно сидит на высоком столе. Ему наплевать на только что приобретенный статус чемпиона. Ирка, подпрыгивая на месте, кричит в мобильный телефон:

– Да! Мы лучшие! Всех обошли! Во как! Знай наших! А все потому, что я Хучика целую ночь маслом натирала. За-молчи, Катерина, при чем тут твоя гречневая каша по особому рецепту? Шкуру-то сразу видно.

Глубоко вздохнув, я попятилась в толпу. Надо найти Со-ню и сказать ей «огромное спасибо». Хотя, право, первое место – это слишком, я просила всего лишь скромный приз зрительских симпатий.

Глава 3

Хорошо, что люди придумали мобильные телефоны, иначе как обнаружить в гомонящем человеческом море Соню? До завершения церемонии она сидела под зонтиком с номером два. Именно туда я, запыхавшись, притащила ей регистрационный талон Хуча, но сейчас-то выставка завершила работу, и все перемешалось.

– Иди на главную аллею, – сообщила Соня, – туда, где ларьки со всякой всячиной.

Я побежала в указанном направлении, увидела Адашеву и рассыпалась в благодарностях.

– Ой, брось, – отмахнулась Соня, – тоже мне, проблема. Кстати...

Закончить фразу она не успела. Из людского скопища вынырнула девочка, одетая в белое платье, на голове у нее был венок из полевых цветов, в руках она держала розовую сумочку, сделанную, похоже, из клеенки, на длинной ручке. Помахивая ридикюльчиком, девочка приближалась к нам, лицо ее было скрыто огромными очками. Я сначала решила, что передо мной Катя, племянница Адашевой, дочь ее безвременно погибшей сестры, и ласково улыбнулась девочке. Потом бросила взгляд на Соню и испугалась.

Лицо Сонечки стало желто-серым, застывшим. Девочка легкой тенью прошла мимо нас и растворилась в толпе.

- Ты ее видела? – в изнеможении прошептала Соня.
- Кого, девочку? Да, конечно.
- В белом платье и веночке?
- Именно! Она только что стояла перед нами! Милое создание!

Соня плюхнулась прямо на траву.

- Значит, она существует, это не глюк!
- Ты о чем? – растерянно пробормотала я. – Не пойму.

Соня попыталась встать.

- Мне страшно, – прошептала она.

Я с тревогой посмотрела на Адашеву. Похоже, ей совсем не по себе, ужасно выглядит!

- Мама, – прозвучало за спиной, – тебе нехорошо? Говорила же, не следует по жаре таскаться!

Соня вздрогнула, моргнула, было похоже, что она очнулась от глубокого сна. Красивая черноволосая девочка, с виду лет четырнадцати, обняла Адашеву, а потом уставилась на меня громадными, бездонными глазами.

- Кто вы? – резко спросила Катюша. – С какой стати напугали мою мамулю?

– Вовсе нет, я сама встревожилась, когда Соня на землю села. Мы с вашей мамой давние знакомые, работали когда-то вместе, – быстро ответила я.

На лице Катюши появилась тень улыбки.

- А-а... ясно. Что тут стряслось, пока я за водой бегала?
- Не пойму никак, – растерянно ответила я, – мы разгова-

ривали, вдруг откуда ни возьмись появилась девочка ваших примерно лет, в веночке из полевых цветов. Соня увидела ее, помертвела...

– Девочка? – изумилась Катя. – Как ее зовут?

– Понятия не имею...

Внезапно Соня резко встала.

– Даша, – сердито сказала она, – не дури. При чем тут девочка? Просто у меня от жары голову схватило, вот ноги и подкосились!

– Ты не помнишь ребенка? – снова растерялась я.

– Это дочка одного из членов жюри, – устало ответила Соня, – вовсе я ее не испугалась! Наверное, сосудистый криз приключился, со мной такое бывает.

– Ну вот что, – решительно заявила Катя, отряхивая Соню, – ты, мама, сейчас дома ляжешь в кровать. А завтра вызовем врача, начнешь таблетки пить и мигом поправишься.

– Могу посоветовать отличного доктора, – сказала я, – свою подругу, Оксану, она хирург, очень компетентный специалист.

Соня кивнула.

– Спасибо. Обязательно позвоню тебе, нам необходимо поговорить.

Поддерживаемая приемной дочерью, Адашева медленно пошла в сторону парковки. Я смотрела ей вслед. Вдруг Соня обернулась, ее взгляд пересекся с моим. И тут она быстро приложила палец к губам, словно призывая молчать. Я кив-

нула, но меня охватила тревога. Значит, я не ошиблась. Соня до ужаса испугалась девочки в белом платье.

На следующий день, к вечеру, к нам были званы гости. Маня и Зайка решили широко отпраздновать победу Хучика. Катерина испекла торт, который, вот она, несправедливость жизни, не достался основному виновнику торжества. Хуча угостили сыром, впрочем, всех остальных собак, никак не отличившихся на ринге, тоже не оставили без лакомства.

Ради торжественного случая Кеша достал бутылку дорогого коньяка, а потом, когда гости, плотно закусив, расселись в гостиной, их вниманию был предложен фильм, снятый полковником.

– А там что, кормами торговали? – спросил Дениска.

Оксана сказала:

– Ну да, так всегда делают.

– Ой, помолчите! – воскликнула Ольга. – Сейчас самое интересное начнется!

И тут у меня затрезвонил мобильный.

– Даша? – спросил незнакомый голос.

– Слушаю!

– Немедленно выйди, – зашипела Ольга, – о, гляньте, Хуча сажают на стол, вот оно, вот...

– Алло, Даша, – занервничала женщина на том конце провода, – ты меня не слышишь?

– Минуточку, – пробормотала я, выскакивая в холл, – из-

вините, бога ради, у нас гости, вот я и не сумела сразу отозваться.

– Гости, – протянула дама, – значит, мне не повезло. А может, оно и к лучшему. Судьба, карма...

– Вы кто? – спросила я.

– Не узнаешь?

– Нет.

– Адашева тебя беспокоит.

– Сонечка! – воскликнула я. – У тебя что-то случилось?

Немудрено, что я ее не узнала, мы с Соней последний раз болтали по телефону много лет назад.

– И да и нет, – пробормотала Соня.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Ну, в общем, так... Случилось, но не сегодня. Однако сейчас догоняет!

– Кто?

– Девочка.

– В белом платье?

– Да.

Я потрясла головой. Похоже, у Сони проблемы с психикой. Мы давно не общались, Адашева пережила невероятное потрясение, смерть семьи, от такого у кого угодно крыша поедет!

– Ты же ее видела! – вдруг резко выкрикнула Соня.

– Конечно, очень хорошо.

– Следовательно, она не фантом, не привидение?

– Нет, живой подросток из плоти и крови, – попыталась я успокоить Адашеву, – милое существо, вот только личико я не разглядела, его очки почти полностью скрывали.

Вдруг Соня бурно разрыдалась. Услышав отчаянные всхлипывания, я ощутила полнейшую беспомощность и принялась ее успокаивать:

– Сонюшка, успокойся. Хочешь, я приеду к тебе?

– Да, прямо сейчас! – выкрикнула Соня. – Мне страшно. Она, наверное, где-то здесь!

– Кто? – почти бегом направляясь к машине, поинтересовалась я.

– Девочка в веночке, – зашептала Соня, – бродит небось по саду.

– Говори скорей адрес, – велела я, заводя «Пежо».

– Поселок «Нива», – начала было Соня, – если едешь от Москвы по Новорижской трассе, то нужно повернуть...

– Можешь не продолжать, – перебила ее я, – знаю «Ниву». У нас там приятели жили, пока в Израиль не перебрались. Жди, лечу со скоростью ветра.

«Нива» – один из первых коттеджных поселков под Москвой, он имеет статус садового товарищества, и дома здесь возведены впритык друг к другу. На мой взгляд, очень неудобно, когда соседи спокойно заглядывают к вам в окна, а вся улица в курсе того, что сегодня у господина N на столе и какое белье носит его супруга. Но не всех такое положе-

ние вещей раздражает. Еще мне не нравится, что в «Ниве» на участках разные заборы. Поломанный штакетник соседствует с роскошными чугунными решетками, украшенными литьем. И дорога тут узкая, два автомобиля разъезжаются с трудом. Но больше всего поражает полное отсутствие стыдливости у обитателей поселка. Как правило, включив электрическое освещение, они не задергивают шторы, и вы, проезжая мимо очередного садово-огородного «замка», можете наблюдать, как хозяйка в полуголом виде шествует в баню, которая тут у многих располагается в подвале. В общем, лично мне никогда не захотелось бы жить в «Ниве» постоянно.

Дом Сони выстроен в самом удачном месте, он последний на улице. Похоже, что его хозяева сумели приобрести несколько участков, вокруг большого здания, обложенного синим кирпичом: простирались лужайки, засаженные кустарником и цветами, а сразу за забором начинался лес. На огромных окнах дома колыхались тяжелые драпировки.

Соня сама открыла дверь, провела меня сквозь просторный, выложенный плиткой холл и спросила:

– Может, на кухне посидим? Не люблю гостиную, большая слишком получилась, неуютная!

– Мне все равно, где беседовать, – нарочито весело воскликнула я, – если сварить кофе по-восточному, могу и на лестнице устроиться. Помнится, в прежние годы ты его просто гениально готовила.

Соня улыбнулась, вынула допотопную кофемолку и нази-

дательно произнесла:

– Кофе хорош, если зерна молоть вручную.

Мы стали самозабвенно обсуждать рецепты приготовления бодрящего напитка, и в какой-то момент я поняла, что обе стараемся отодвинуть начало серьезного разговора. Но вот чашечки опустели, в кухне повисло молчание. Я откашлялась и решительно спросила:

– Что случилось? Говори скорей!

Соня скомкала бумажную салфетку, схватила другую, превратила и ее в лохмотья и в конце концов решилась.

– Не буду просить тебя соблюдать тайну, насколько я помню, Даша Васильева никогда не сплетничала.

– Это не совсем верно, – возразила я, – я, как все, люблю перемыть кости знакомым. Но если человек меня предупреждает, то держу язык за зубами, никогда не выдаю чужих тайн.

Соня снова схватилась за салфетку.

– Тайна... да... давно это было...

– Объясни, в чем дело, – попросила я.

Сонечка набрала полные легкие воздуха и бросилась в повествование, как пловец с обрыва в море. Я сидела тихо, стараясь не прерывать своими комментариями ее рассказ.

– Господи, вот кошмар!

Соня давно имеет машину, водитель она дисциплинированный, никогда не мчится и пьяной за руль не садится. Но в тот ужасный, запомнившийся на всю жизнь вечер Соня по-

бывала в гостях у приятелей, которые уговорили ее выпить кофе с ликером. Думая, что от двух капель сладкого, некрепкого спиртного ей плохо не станет, Соня сделала большой глоток и чуть не подавилась. Друзья ее обманули: в фарфоровой чашке плескался один алкоголь, чуть-чуть разбавленный арабикой. Сердясь на приятелей, она не стала допивать «коктейль» и вскоре уехала.

На землю опустились сумерки, шоссе вилось между деревьями, вокруг ничего не было видно: ни машин, ни прохожих. Да и откуда бы взяться последним на дороге, которая вела только к поселку? Местные жители никогда не бродили по магистрали пешком, для тех, кто не имел автомобиля, пустили маршрутное такси, курсировавшее несколько раз в день четко по графику. Поэтому Соня, съехав с основной трассы на дорогу местного значения, перевела дух. Ее, хлебнувшую ликера, сотрудники ДПС не задержали. До дома пара минут езды, никаких неприятностей впереди не предвиделось. На ужин можно пожарить курочку...

Не успела Соня перевести свои мысли на кулинарию, как из оврага метнулась белая тень. Адашева не успела ничего предпринять – она ощутила легкий удар и, полная ужаса, попыталась остановиться, но машину по инерции протащило на несколько метров вперед.

На негнущихся ногах Соня вышла из салона и вцепилась в столб. В овраге лежала девочка, одетая в белое платье, на голове у несчастной невесты каким образом удержался венок

из цветочков. То, что подросток мертв, Соня отчего-то поняла мгновенно.

Соня, двигаясь как зомби, села в машину, добралась до дома и бросилась к отцу. Зелимхан Адашев был человеком хладнокровным, никогда не теряющимся в экстремальной ситуации.

– Надо вызвать милицию, – ломала руки Соня.

Отец толкнул неразумную дочь в спальню и приказал:

– Сиди молча! Не вздумай пугать мать и сестру, жди моего возвращения. Сам займусь этой проблемой.

Сонечка рухнула на кровать, отец запер ее снаружи на ключ и уехал.

Время шло томительно долго. В конце концов Соня, устав рыдать, заснула. Разбудил ее бодрый голос папы:

– Эй, смотри сюда!

Соня подняла всклокоченную голову и вскрикнула. Зелимхан держал в руках брезентовый тюк. Внутри него что-то лежало, наружу высовывался белый лоскут ткани.

– Не надо, – зашептала Соня, – папочка! Милый! Зачем ты ее сюда принес?

– Ты и впрямь дура, – рассердился отец, – лучше погляди внимательно.

Быстрым движением он распотрошил узел. Соня зажмурилась, но потом, услышав смех Зелимхана, осторожно приоткрыла глаза.

На ковре лежало мастерски сделанное чучело, невероятно

похожее на девочку. На голове у муляжа сидел парик с прибитым к нему венком. До Сони внезапно дошло: это же манекен! Такие стоят в витринах магазинов одежды. Бездушное создание было облачено в белое, местами запачканное платьице, ножки из папье-маше обуты в сандалии. Но больше всего Соню покорило лицо, оно было столь искусно раскрашено и обрамлено, казалось, настоящими волосами, что издали в сумерках походило на лицо живого человека. И вообще, чучело выглядело, как настоящий подросток. Вот только шея у него была сломана, отчего создавалось жуткое впечатление.

– Господи, – простонала Соня, – как же так, а? Вот ужас! Зелимхан покачал головой:

– Мерзавцы.

– Кто? – пробормотала Соня.

– Да парни, – сердито отозвался отец, – вот забаву придумали! Я, когда подъехал, сразу понял, что это манекен! Ну и пришлось задержаться, пока все выяснил.

Соня в изнеможении слушала отца. Оказывается, не так давно в расположенном неподалеку подмосковном городишке сгорел магазин женской одежды. Склад и торговый зал погибли в пламени, а манекены уцелели в не тронутой огнем витрине. Хозяин содрал с них одежду, а самих кукол бросил во дворе. Тут-то о них и пронюхали местные девятиклассники, решившие подшутить над дачниками из «Нивы». Сказано – сделано. Идиоты взяли «женщину», нацепили на нее

белое платье и обувь сестры одного из участников забавы, а потом поставили куклу у шоссе, поджидая кого-нибудь из жителей «Нивы», которые будут возвращаться домой после очередной попойки в ресторане. Отчего-то население городка считало, что все, кто поселился в «Ниве», богаты до одури и посему им нет необходимости работать.

– Небось гуляют целыми днями, – исходили завистью сельские мужики, – а нам ботинок купить не на что.

Подростки заметили приближающуюся машину Сони и толкнули под колеса манекен. От удара кукла отлетела в близко расположенный овраг. Хулиганы затаились. Они увидели, как Соня в полном ужасе унеслась прочь.

– Вот от страха одурела! – захихикали ребята и разбежались по домам.

Куклу они бросили.

– Господи, – стонала Соня, – папа! Хулиганов надо сдать в милицию.

– Забудь, – отмахнулся Зелимхан, – глупые дети, у которых нет ничего: ни спортивных площадок, ни книг. Родители – пьяницы, школьные учителя – звери. Если подадим заявление, их сунут в специнтернат и окончательно сломают им судьбы. Я нашел безобразников и провел с ними работу. Давай не корезить им жизнь.

– Хорошо, – кивнула Соня, – и правда, жаль дурачков. Зелимхан обнял дочь.

– Ты умница. Никому не надо рассказывать об этом про-

исшествии: ни маме, ни сестре, ни знакомым. Дай честное слово, что никогда никому не проронишь ни слова.

– Почему? – тихо спросила Соня.

Зелимхан хмыкнул:

– Я погорячился. Дал одному из мальчишек в зубы. Сломал ему случайно челюсть, а второго поколотил так, что ему в больницу надо ехать. В милицию они, конечно, не пойдут. Но лучше нам молчать, сама знаешь, я человек на виду, ни к чему мне разговоры.

И Соня согласилась с отцом.

Глава 4

Наутро, придя в себя, она стала вспоминать о случившемся. Что-то ее цепляло, настораживало... Манекен Зелимхан увез, никаких следов от куклы в доме не осталось, но Софья нервничала и вздрагивала от каждого громкого звука.

Говорят, будто убийцу всегда тянет на место преступления. Уж не знаю, так ли это, но Соня, повинувшись непонятному чувству, села за руль и отправилась к оврагу. Встав на обочине, она посмотрела вниз. Сейчас на дне неглубокой канавки не было никакого тела, там валялась пара пустых бутылок, смятые пакеты, но перед Соней моментально возникла картина вчерашнего вечера. Сжав пальцы в кулаки, Адашева припомнила случившееся до мельчайших подробностей. Вот она на плохо слушающихся ногах доходит до столба, хватается за него и видит тело, облаченное в белое платье. Девочка неестественно вытянулась, белокурые волосы разметались по сухой глине, пара прядей зацепились за бутылки... И потом, эта просьба Зелимхана молчать о происшествии... Отец вроде боится, что узнают, кто сломал одному из мальчишек челюсть и побил другого. Странно.

Руки девушки снова, так же как вчера, схватились за бетонный столб. Белокурые волосы! Соня отлично запомнила их. А у манекена, которого принес Зелимхан, были каштановые. Соня спустилась на дно оврага и стала внимательно

изучать то место, где видела сбитого, как ей показалось, человека. Никаких следов крови, обрывков одежды или потерянных мелочей она не обнаружила. От волнения у Сони началась мигрень. Схватившись руками за виски, Адашева попыталась сконцентрироваться.

Может, она ошиблась? Вдруг память подводит ее? Ну конечно, на дороге стоял манекен, в кустах, затаив дыхание, притаилась стайка школьников... Так и надо организатору забавы, пусть теперь пьет бульон через соломинку, а в милицию он пойти жаловаться побоится. Зря папа нервничает.

И тут Сонечка, на свое несчастье, словно повинувшись чьему-то приказу, наклонилась и внимательно посмотрела на пустую бутылку. Зеленое стекло показалось ей покрытым паутиной, но уже через секунду Соня поняла – это прядь тонких, длинных, очень светлых волос. Память ее не подвела, существо на дороге было блондинкой, каким же образом оно потом трансформировалось в шатенку, если, конечно, это был манекен?

Как снова оказалась дома, Соня не помнила. Она легла в кровать и, сообщив встревоженным домашним, что ее подкосил грипп, зарылась головой в подушку. Было лишь одно объяснение происходящему.

Зелимхан любил своих дочерей до беспамятства. Обычно мусульмане более радуются рождению сына, девочка на Востоке считается товаром третьего сорта. Но Адашев был счастлив, когда сначала родилась Зара, а потом Соня.

Ради жены и дочерей Зелимхан был готов на все. Для того чтобы Соня не жила дальше с огромной тяжестью на душе, отец придумал историю с манекеном. Раздобыл где-то куклу, нарядил ее, привез в дом.

Промаявшись сутки, Соня пошла к отцу и выложила ему свои соображения. Зелимхан даже не изменился в лице. Он обнял дочь и сказал:

– Я честный человек, более того, занимаю видное положение в обществе, мне никак нельзя шутить с законом. Сбей ты на самом деле ребенка, я сразу бы вызвал милицию. Более того, имей в виду, в том месте, где стоял манекен, никакого пешеходного перехода нет, дорога делает крутой поворот, видимость резко ограничена. Человек, перебегающий там трассу, сильно рискует. Подобное поведение запрещено правилами дорожного движения. В случае судебного разбирательства ты бы отделалась условным сроком или штрафом. Никто Соню Адашеву за решетку сажать бы не стал, нет причины, вина в данном случае лежит на пешеходе. Но в овраге валялась кукла!

– А как же белокурые волосы? – робко спросила Соня. – На бутылке?

– Деточка, – прищурился отец, – с чего ты взяла, что они принадлежат «девочке»? В канаве полно хлама, мало ли кто принес и бросил бутылку?

Соня повеселела, но решила прояснить ситуацию до конца.

– Я хорошо помню, как блестели в свете фонаря светлые волосы фигуры в белом.

Зелимхан кивнул:

– Верно. Дело именно в фонаре. В него вставлена неоновая лампа, она не похожа на обычный электроприбор, озаряет окрестности безжалостным «дневным» серо-голубым светом, искажая цвет окружающих вещей. Присмотрись как-нибудь к своим коллегам, если у вас в аудиториях используют для освещения неоновые трубки, сразу поймешь, что на улице, в лучах солнца, волосы твоих знакомых приобретут другой цвет.

Соня ушла от отца совершенно успокоенная. Правда, некоторое время она вздрагивала, проезжая тот самый поворот, но затем, постепенно, из памяти дурацкое происшествие выветрилась.

Пролетели годы, Соня пережила смерть родных, стала умелой бизнесвумен, воспитывала Катю. Жила Сонечка уединенно, подруг не имела. Те, что были в свое время, исчезли в тот момент, когда Адашева превратилась в совладелицу сети супермаркетов.

– Богатство и успех – лакмусовые бумажки, – печально говорила мне сейчас Соня. – Абсолютное большинство людей готово сочувствовать вам в горе, а порадоваться чужому счастью умеют лишь единицы. Обретя полнейшее финансовое благополучие, я потеряла всех, кто называл себя моими

друзьями. Впрочем, может, оно и к лучшему. Во всяком случае, я теперь знаю цену окружающим.

Жизнь Сони текла спокойно. Вернее, на работе постоянно случался форсмажор, но дома было тихо. Катюша отлично училась, называла Соню мамой, никаких проблем с девочкой не возникало. Может, кому-то это покажется странным, но, вспоминая о погибших родственниках, Соня перестала ощущать безнадежность. Не считите ее бездушной, но она начала улыбаться и радоваться жизни. Однако некоторое время тому назад случилось событие, сразу выбившее Адашеву из колеи.

В тот день, когда прошлое напомнило о себе, Соня ехала домой по хорошо знакомой дороге. Финансовое положение позволяет ей нанять шофера, но она очень любит управлять автомобилем, отдыхает за рулем, поэтому водителя у Адашевой нет.

Привычно повернув направо, Соня взглянула на дорогу и вскрикнула. На обочине стояла девочка-подросток в белом платье, с венком на голове. Оцепенев от ужаса, Адашева зажмурилась. Ровно через секунду ее роскошная машина влетела в столб. Хорошо, что Соня никогда не носит как угорелая, да и, поворачивая, она сбросила скорость. В результате автомобиль отделался помятым крылом, искореженным бампером и разбитой фарой.

Адашева, почти потеряв разум, боялась выйти на дорогу. Она сидела, уронив голову на руль. По счастью, спустя неко-

торое время после аварии по шоссе ехал один из соседей, который, увидав искореженный «шестисотый», начал активно действовать: вызвал ГАИ, врачей.

– Там девочка стояла, в белом платье, – бормотала Соня, – я ее сбила, снова! Боже!

Милиционеры, осматривавшие место аварии, с сочувствием слушали пострадавшую.

– Вам почудилось, – сказал один, – никого тут нет.

– Померещилось, – подхватил второй, – вон березка белет, вы ее за ребенка и приняли.

Проведя неделю на успокоительных лекарствах, Соня наконец пришла в себя.

Спустя десять дней после происшествия Катя заболела гриппом. Соня осталась дома ухаживать за девочкой. У той поднялась высокая температура, и Катюша вдруг стала капризничать.

– Хочу батончик, шоколадный, с орехами, – заявила она.

– Вот, ангел мой, – засуетилась Соня, – выбирай любую конфетку из коробки.

– Нет, хочу батончик! – уперлась Катя.

– Зачем тебе низкосортная дрянь, – покачала головой Соня, – уж поверь мне, торговке продуктами, лучше российских конфет не найти.

– Батончик, – зарыдала Катя.

Поняв, что с ней спорить бесполезно, Соня крикнула домработнице:

– Сходи в магазин, ну тот, что при въезде в поселок стоит.

– Вот ты какая! – с невероятной обидой возвестила Катя. –

Самой ради меня лень пробежаться, хороша мать!

Соня, великолепно понимая, что хамское поведение Кати вызвано болезнью, обняла девочку.

– Как хочешь, милая, сейчас сама пойду. Тебе какой ку-пить?

– С фундуком, – ответила Катюша и опять разрыдалась.

Соня побежала к магазинчику. Когда она, купив шоколад-ку, вышла на улицу, сбоку слышалось тихое покашлива-ние.

Адашева невольно повернула голову и выронила батон-чик. У забора стояла девочка в белом платье и с веночком на голове. Лицо ее почти полностью было скрыто волосами. Вдруг она убрала правой рукой прядь, Соня остолбнела. На нее смотрел желто-серый череп.

– Зачем ты убила меня? – донеслось из дыры, где раньше был рот. – А еще не похоронила, не отпела в церкви, вот те-перь маюсь на земле неприкаянной. Плохо мне, ой плохо...

Призрак лепетал еще что-то, но Соня уже ничего не слы-шала, потому что свалилась в обморок.

Когда Адашева пришла в себя, она решила, что сошла с ума. Соня попыталась рассуждать логически. Хорошо, допу-стим, она и впрямь тогда сбила девочку, но ведь привиде-ний не существует, следовательно, у нее начинается шизо-френия.

Соня вдруг замолчала и уставилась в стену, я вздрогнула, проследила за ее взглядом, не увидела ничего особенного и спросила:

– Ты уверена, что девочка та же самая?

– Да, – прошелестела Соня, – белая одежда, веночек, длинные светлые волосы.

– Платье легко купить, – постаралась я достучаться до ее разума, – и веночек недолго приобрести, их в любом магазине полно, на выбор, из искусственных или натуральных цветов. Кстати, одежду ты хорошо рассмотрела?

– Белое платьице, – монотонно твердила Соня. – С оборочками и кружевами. Я в тот день, на шоссе, фасон точно не разглядела, белое, с воланчиками... белое, с кружевами, белое...

Я встряхнула Соню.

– Эй, приди в себя! Включи мозги. Убитый человек не станет ходить по улицам!

– Если не проводили покойника как следует, он трансформируется в привидение, – бесстрастным голосом отозвалась Соня, – я спрашивала у одного экстрасенса!

– Глупости! Враки! Никакие ожившие мертвецы не существуют в действительности.

– Мир полон непознанного, – бубнила Соня.

– Бред, – разозлилась я.

– У тебя есть мобильный? – неожиданно спросила она.

– Да, – удивленно ответила я, – позвонить хочешь? Ты же

мне звонила, на мобильник.

– Нет. Скажи, как он работает?

– Кто?

– Сотовый.

Я подавила вздох. Может, звякнуть Оксане? Она как раз сейчас находится недалеко, в Ложкине, смотрит фильм, снятый Дегтяревым на выставке. Конечно, подруга не психиатр, только она лучше меня разберется, чем можно помочь несчастной Соне, у которой, похоже, капитально съехала крыша.

– Ты забыла, как пользоваться аппаратом? – участливо поинтересовалась я. – Право, это совсем просто. Вот кнопочки, на них цифры...

Соня сердито оборвала меня:

– Не о том речь! Спрашиваю снова! Проводов нет. Каким образом в трубку голос попадает?

Я растерялась.

– Понятия не имею, я не сильна в технике, умею только нажимать клавиши на всяких приборах. Но вроде бы имеется радиоволна, которую улавливает телефон.

– Можно ее пощупать руками?

– Волну? Конечно, нет, она нематериальна, как мысль.

– Вот, – кивнула Соня, – об этом и речь. Узрей человек девятнадцатого века мобильник или компьютер, подключенный к Интернету, он бы назвал их «происками дьявола». Но наука развивается стремительно, мы пользуемся плодами на-

учно-технического прогресса. Вдруг лет через сто ученые докажут и существование привидений!

– Чушь!

– Именно это слово выкрикнул бы Наполеон, услышав о самонаводящихся на цель ракетах! Вокруг слишком много непознанного, неизученного, – настаивала на своем Соня.

– Вера в привидения – полнейший идиотизм! – взвилась я. – Ясное дело, человеку трудно осознать, что он умирает навсегда, отсюда и сказки про тот свет.

– Мы, верующие люди, считаем иначе.

– Давай останемся каждая при своем мнении, – попросила я и, решив перевести разговор в иное русло, поинтересовалась: – А ты кем себя считаешь: мусульманкой или православной?

Соня улыбнулась:

– Я хожу в церковь, у меня есть некоторые претензии к мусульманству. Хотя, если разбираться по сути, особых различий-то между религиями нет, заповеди совпадают, самоубийство запрещено. Именно поэтому я и не полезла в петлю, когда мои погибли, побоялась божьей кары. А насчет привидений... Ты же видела девочку в толпе?

– Да.

– Это была она.

– Соня, ты просто устала!

Адашева поежилась.

– Работаю не больше обычного, особого утомления не

ощущаю. Я очень боюсь.

– Чего?

– Кого. Девочку. Она задумала меня убить.

Я окинула взглядом комнату.

– А где Катя?

– Наверное, у себя, сидит в Интернете.

– Бери дочку, и поехали к нам. Дом большой, устроитесь с комфортом, переночуешь у нас, придешь в себя.

– Нет, – покачала головой Соня, – чему быть, того не миновать. Девочка была здесь совсем недавно.

– В доме?

– Нет, постучала снаружи, в окно.

Я разинула рот, а Соня совершенно спокойно описала случившееся.

Пару часов назад она заглянула в гостиную. Хозяйке показалось, что из комнаты доносится странный шум. Домработница давно отправилась домой, Соня и Катя находились дома одни. Адашева никогда не испытывала страха в родных стенах. Поселок отлично охранялся, на его территорию пропускали лишь тех, кто проживал в «Ниве» постоянно, гостям полагалось выписывать пропуска.

Естественно, в огромном помещении все оказалось на своих местах. Соня пошла было в коридор и тут услышала легкий стук в окно. Решив, что от дерева отломилась ветка и теперь бьется о стекло, Адашева пошла на звук, приблизилась к подоконнику и отшатнулась. С той стороны, из сада,

на нее смотрела мертвая девочка. Вместо лица – череп, на серо-желтом лбу трепыхалась светлая челка, придавленная веночком.

Адашева вскрикнула и отпрянула от стекла. Внезапно ребенок поднял руки и дал понять, что просит Соню открыть окно. Вместо того чтобы бежать куда глаза глядят, хозяйка повиновалась и слегка приоткрыла стеклопакет. В узкую щель сначала ворвался свежий аромат фиалок, а потом просочился голосок:

– Я за тобой пришла! Скоро заберу с собой! Ты меня убила, бросила, и тебе самой не жить.

Глава 5

– Ты сейчас же отправишься со мной, – велела я.

Соня покачала головой:

– Нет. Каким образом я объясню Кате необходимость ехать в гости ночью? Я не хочу ничего рассказывать дочери, она перепугается до смерти.

– Хорошо, тогда немедленно ложись спать, у тебя просто глюки.

– Может, ты и права.

– Дай честное слово, что сходишь к доктору.

– Ну... ладно, – покорно ответила Соня, – вообще-то я звала тебя лишь с одной целью. У Кати никаких родственников, кроме меня, нет. Наши все погибли. Если меня убьет девочка, Катюша останется совсем одна.

Я замахала руками:

– Ну и глупости лезут тебе в голову. Вот что, сейчас я поговорю с подругой, и через пару дней она пристроит тебя в лечебницу. Проведут обследование, ты сдашь анализы, пройдешь полную диспансеризацию и успокоишься. От души советую уехать из этого дома, похоже, он вызывает у тебя отрицательные эмоции. Кстати, в Ложкине выставлен на продажу особняк, вполне приличный, по размерам такой же, как твой. Мы могли бы стать близкими соседями. Катю на время твоего лечения я возьму к нам. Ну как? Идет?

Соня стала кусать губы.

– Пойми, – с жаром говорила я, – девочка тебе мерещится, ее нет. Если человек страдает галлюцинациями, это говорит либо о его переутомлении, либо о начинающейся болезни. И то и другое следует давить в зародыше.

Выслушав мою страстную речь, Адашева посидела пару мгновений без движения, а потом воскликнула:

– Но на выставке! Ты же ее видела?

– Верно, там было полно девочек в белом, лето на дворе, жара стоит. Ты перепутала, но тот ребенок никакого отношения к твоей истории не имеет. Кстати, ты сама сказала, что та девочка является родственницей кого-то из жюри...

– Нет, – вздохнула Соня, – я просто не хотела, чтобы Катя узнала правду. О том ужасном случае известно было лишь папе и мне. Маме и сестре мы ничего не сказали.

Вымолвив последнюю фразу, Соня внезапно заплакала.

– Я так испугалась, когда увидела фигуру за стеклом.

– Забудь, попьешь лекарства и станешь как новая. – Я обняла Соню. – С каждым может подобное приключиться. Знаешь, много лет назад умерла наша собака Милли. Ей было девятнадцать лет, более чем почтенный для болонки возраст. Последний год она ходила слепая, глухая, жила лишь на уколах. Так вот, не успели мы ее похоронить на даче в том месте, где Милли любила сидеть, как мне стала чудиться чертовщина. Просыпаюсь ночью и вижу: Милли лежит у меня в ногах, как всегда. Или сижу дома одна, вдруг слышу со дво-

ра ее лай. Очень некомфортно себя чувствовала, но потом пошла в сад, села у могилки и сказала: «Милличка, дорогая, ты же осталась с нами, лежишь в саду, под любимой клумбой. Я тебя помню, моя радость, нет необходимости пугать маму. Понимаю, ты боишься оказаться забытой, но ведь такое невозможно. Ты лучшая собака, моя девочка, ты всегда будешь со мной, смерть нас не разлучила, ей не подвластно убить любовь». Потом я повесила у себя в комнате фотографию Милли, и глюки исчезли. Чистая психотерапия.

– И еще говоришь, будто не веришь в привидения, – глухо отозвалась Соня.

Тут я сообразила, что сморозила очередную глупость, привела совсем не подходящий пример, и прикусила язык.

– Хорошо, – вдруг согласилась Соня, – поеду к твоему врачу, на следующей неделе, в четверг.

– Лучше прямо завтра.

– Не могу, дел полно, потерплю до четверга, – отрезала Адашева, – у нас большие проблемы с поставщиками. Хочу только попросить: если со мной беда случится, заведи Катю. Жизнь так сложилась, что никого из близких у меня нет, поручить девочку некому. Катя богата, она единственная наследница всего, что я имею. Не дай бог окажется в руках корыстного человека. Катюша, хоть ей и сравнялось шестнадцать, по сути, семилетняя малышка, наивная, верящая людям, никогда ни от кого не видевшая зла. Ты богата и порядочна, не польстишься на деньги сироты, да и, насколько

помню, никогда не была подлой. Нет у меня подруг, довериться некому.

– А Роза Яковлева?

Соня пожала плечами.

– Отношения у нас давние и очень хорошие, без напряжения, мы многое вместе пережили, и Роза проявила себя только с хорошей стороны. Но она безумно эгоистична, детей у нее никогда не было, поэтому Роза не знает жалости и не понимает того, что подросток очень раним. Сколько раз она говорила:

«Хватит Катюку баловать. На мой взгляд, лучшего воспитателя, чем ремень, просто нет. Врезать ей пару раз от души, мигом про закидоны забудет».

Да нет у Катюши никаких капризов. Просто мы как-то втроем пошли в магазин за обувью, я предложила девочке красивые, элегантные туфли, а Катюша захотела уродские бутсы на толстенной подошве. Мы поспорили, и я, поняв позицию ребенка, приобрела «вездеходы». Розку передернуло, ну она и рывкнула:

«Пока сама денег не зарабатываешь, обязана носить, что дают. Во фря! А ты, Соня, поощряешь ее выкрутасы. Спыхватишься потом, да поздно будет, вырастет невесть что».

– Вот злюка! – возмутилась я.

– Нет, просто она с детьми дела не имела, – покачала головой Соня. Потом она заглянула мне в глаза и тихо попросила: – Пообещай, что не бросишь Катю!

Наверное, следовало настоять на немедленном визите к врачу или, смотавшись домой, притащить к Адашевой Оксану, но на меня внезапно налетела мигрень. В левый висок будто воткнулся железный прут и начал медленно-медленно поворачиваться. К горлу подобралась тошнота, уши заложило, перед глазами затряслась черная рябь.

– Даша, – донесся из темноты голос Сони, – скажи, могу я на тебя положиться?

– Абсолютно спокойно, – ответила я, пытаюсь справиться с дурнотой, – я никогда не брошу Катю.

...Приехав домой, я с трудом добралась до кровати и упала на нее, не сняв с себя одежду. Тот из вас, кто знаком с мигренью не понаслышке, пожалеет меня. Отчего на некоторых людей наваливается эта напасть – непонятно. Известно лишь, что женщины страдают ею чаще, чем мужчины. Еще пугает полная непредсказуемость недуга, он может подстергать вас в самый неподходящий момент. Меня настигает мигрень то в день отъезда за границу, то в час, когда все усаживаются за стол, чтобы весело встретить Новый год, или в то самое мгновение, когда я с огромной радостью думаю: «Ура! Домашние улетели на три дня, я свободна, как птица, вот уж отдохну, побегаю по магазинам».

Впрочем, в бочке дегтя есть и половник меда. Когда, скованная головной болью, я валяюсь в кровати, то никакая, даже самая вкусная еда в рот не лезет, поэтому преспокойно

сбрасываю лишние килограммы. Думаю, именно благодаря мигрени мой вес никогда не зашкаливает на весах за отметку с цифрой пятьдесят. Согласитесь, за такое благо мигрень можно даже полюбить.

Но на этот раз болячка разбушевалась не на шутку, и я провалялась под одеялом несколько дней, потом, как всегда внезапно, обрела бодрость и воскресла. Рука тут же потянулась к телефону.

Соня не отвечала, ее мобильный механически предупредил:

– Абонент находится вне действия сети.

Домашний номер я набирать не стала, маловероятно, что бизнесвумен сидит сейчас в любимом кресле у телика. Скорей всего, Соня находится на совещании, вот и выключила сотовый.

Я сбегала в душ, потом схватила с полки парочку детективов, завалилась на раскладушку в саду и стала перелистывать страницы. Ни один роман меня не захватил. Отбросив последний, я стала наблюдать, как Банди пытается поймать бабочку. Глупый питбуль носился по лужайке, круша лапами ландшафтный дизайн. Его тонкий длинный хвост торчал вверх, словно пика, крупная треугольная голова безостановочно щелкала челюстями. Но белая бабочка весело порхала с цветка на цветок, не даваясь Бандику. В конце концов капустница села на морду Снапа, мирно дремлющего возле раскладушки. Раздосадованный Бандюша одним прыжком

наскочил на не подозревавшего ничего плохого Снапика и со всей дури цапнул того за ухо. Бабочка улетела, Снап заорал от неожиданности и вскочил, Банди свалился на землю, как раз туда, куда я поставила чашку с кофе и блюдо с печеньем. Ротвейлер рыкнул и бросился на пита.

– Эй, стойте! – заорала я, хватая бутылку мине-ралки.

Моментально свинтила пробку и изо всей силы сжала пластиковые бока емкости. Прозрачная струя вырвалась наружу, благополучно миновала Банди и Снапа, выяснявших отношения, и врезалась в Ирку, копошившуюся на дорожке.

– А-а-а, – взвизгнула домработница, – поосторожней! Так и простудиться можно.

– На улице почти сорок, – напомнила я, тоже вскакивая на ноги.

– Все равно не следует водой обливаться, – занудила Ирка, но мне было не до нее.

Пит с ротвейлером перестали валять друг друга по траве, они нашли другую замечательную забаву: теперь псы ухватили мою подушку и начали тянуть ее в разные стороны.

– Прекратите! – рассердилась я.

Но Снапун и Бандюша, войдя в раж, не реагировали на хозяйские вопли. Я скрутила газету трубкой и шлепнула ротвейлера по круглым бокам. Снап с укором глянул на меня, но добычи не выпустил, наоборот, вцепился в нее еще сильнее, потряс башкой... Наперник лопнул, белые перья взметнулись вверх, ветер понес их по саду. Бандюша залаял

и бросился ловить невесомые, медленно кружащиеся клочки. Снап же, поняв, что натворил что-то нехорошее, быстро шмыгнул в дом.

– Ну и безобразие, – разнесся над лужайкой голос садовника Ивана, – мне теперь эту дрянь из травы пальцами выковыривать. Ну, Банди, погоди! Получишь на орехи.

Держа в руках метлу, Иван подкрался к питбулю и шлепнул того по мягкому месту. Бандюша обиженно подпрыгнул, отбежал подальше от Ивана и сел около моих ног.

– Да уж, дружок, – улыбнулась я, – жизнь несправедлива. Баловались вдвоем, а досталось тому, кто вовремя не сообразил унести ноги! В другой раз бери пример со Снапа, он улепетнул, следовательно, и тебе пора мазать пятки салом.

Бандюша обиженно засопел и полез под раскладушку. Я с тоской осмотрелась вокруг. Все заняты делом: Ирка развешивает на дворе ковер из прихожей. Хорошо, что Кеша уехал на работу. Сколько раз он налетал на Ирку, объясняя той:

– Вот, смотри, у нас есть моющий пылесос! А еще куча всяких средств: спреи, пены, при помощи которых напольное покрытие можно привести в первозданное состояние. Прекрати вешивать пыльные ковры во дворе, да еще на ограде! Здесь же не деревня! Над нами соседи смеются!

Выслушав очередную отповедь, Ирка кивает головой, потом дожидается отъезда Аркашки и начинает методично украшать решетки паласами.

– Пылесос – это хорошо, – бормочет она, притаскивая очередной рулон, – но на свежем воздухе лучше проветрится.

Вот и сегодня, поняв, что Кеша вернется поздно, домработница занялась любимым делом.

Я зевнула и попыталась решить дилемму: лечь спать в саду или пойти в спальню? На улице хорошо, но, судя по нестерпимой духоте, скоро должен пойти дождь, и потом, под соснами летают всякие мошки, кое-какие из них больно кусаются. В доме же душно, в особняке нет кондиционеров, наша семья их не любит. Слишком много раз мы простужались в гостиницах, где они работают во всю мощь. А еще есть болезнь легионеров... Так где лучше покемарить?

В кармане зазвенел мобильный.

– Алло, – лениво ответила я.

– Даша?

– Да.

– У меня для тебя письмо.

– Какое? И, простите, я не поняла, с кем разговариваю?

– Это Роза Яковлева.

– Ой, Розочка, извини, я...

– Ты лучше подъезжай в Митино, – прервала меня давняя знакомая, – я буду тут небось до двух, а потом дальше отправимся. Докука, конечно, дел полно, надо бы удрать, да неудобно.

Плохо понимая, о чем идет речь, я попыталась остановить

Розу:

– Извини, но с какой стати мне тащиться в Митино! Дикая жара стоит! И где там тебя искать? Какое письмо? От кого?

Роза шумно вздохнула:

– Ну ты как была занудой, такой и осталась! Настоящий педагог! Рулить надо на кладбище. Послание от Сони Адашевой. Надо было сразу тебе отдать, да я закрутилась тут с похоронами и поминками. Во, блин, вечно мне геморрой достается. Из-за доброты своей страдаю. Другая бы махнула рукой, дескать, не мое дело, а я давай крутиться, деньги тратить! Нашла себе приключение на голову! Вот что, или приезжай прямо сейчас, или лови меня потом где сумеешь!

– Зачем Соне мне письмо писать, да еще через тебя передавать? – воскликнула я. – Люди давно телефон придумали. Могла бы сама позвонить.

Роза хмыкнула:

– Похоже, ты не в материале!

– Что?

– Соня умерла.

Я на секунду лишилась дара речи, но потом кое-как створожилась и прошептала:

– Шутишь!

– Вот уж не предполагала, что я произвожу впечатление человека, способного отмочить подобную шутку! – обиделась Роза. – Сонька умерла, сегодня похороны, для тебя имеется цидулька. Ну и как?

– Еду, – пробормотала я, – уже за руль села.

Я на самом деле тут же влезла в машину и в мгновение ока докатила до Митина. Я успела к концу скорбной церемонии. Роскошный лаковый ящик ярко-рыжего цвета медленно, при помощи специальной машинки опускался на дно ямы. Вокруг колыхалась неисчислимая толпа, над притихшими людьми плыл душный аромат цветов, большинство присутствующих сочло, что лилии и розы лучший вариант для похорон. Я попыталась найти глазами Розу. Людское море заколыхалось, к свежему холмику начали приставлять венки и класть цветы.

– Всех сотрудников сети «Рай гурмана», пришедших почтить память Софьи Зелимхановны Адашевой, просят пройти к воротам, – прозвучал откуда-то с неба мужской голос, – там ждут автобусы для отправки к месту проведения поминков. Желающие добираться собственным ходом, получите у Клары Петровой листочки с адресом.

– Ну, явилась! – воскликнула Роза, выныривая из толпы. – На, держи. Помянуть поедешь? Эй, Кларка, дай нам бумажку. Вот, гляди, ресторан «Калитка».

– Поминки в ресторане, – протянула я.

– А что? – прищурилась Роза. – Их следовало в горах проводить?

– Нет, конечно, просто, как правило, после кладбища люди едут домой к покойному...

– Ну поучи меня, поучи, – мигом взвилась Роза, – спасибо за курс хороших манер! До сих пор я считала, что поминки организуют в метро. Ты обалдела, Васильева! Как такую толпу в доме разместить? Почти все сотрудники приперли! Во народ, лишь бы с работы удрать и нажраться на дармовщинку. Это Клара виновата! Я сразу приказала: вывесить в служебных помещениях магазинов плакат с фотографией Сони, внизу, после извещения, приписать: рядовым сотрудникам оставаться на рабочих местах, на похороны приглашаются только заведующие секциями. Ан нет, Петрова кипеж подняла! «Похороны не свадьба! Приходит любой, кто захочет». Ну и результат? В какую копеечку мне банкет влетел, а?

– Банкет? – изумилась я.

– Хватит к словам придирааться, – разъярилась Розка. – Нашлась блюстительница нравов! На себя погляди! Явилась в голубых джинсах и красной футболке! Коли других за поминки в ресторане осуждаешь, могла бы хоть на голову черный платочек повязать.

Я вздохнула – некрасиво получилось. Но, с другой стороны, известие столь неожиданно настигло меня, что я понеслась к машине, не думая об одежде.

– В общем, поступай, как желаешь, – гаркнула Роза и ввинтилась в толпу.

Я осталась стоять, держа в руке две бумажки. Одна напоминала визитную карточку. Ресторан «Калитка» было написано на глянцевом прямоугольнике, «открыт до последне-

го клиента». Ниже шел адрес и давался план проезда. Вторая бумага была вложена в конверт. На нем отпечатано на принтере: «Даше Васильевой лично в руки. Просьба передать незамедлительно».

Глава 6

«Калитка» оказалась недалеко от кладбища. Я вошла в просторный зал и снова испытала удивление. Я, естественно, бывала на подобных мероприятиях, и все они, на мой взгляд, проходили по одному сценарию. За длинным столом сидят родственники и знакомые, выпивают, не чокаясь, потом закусывают, говорят о покойном, даже если он был противным, много хорошего. И так около часа. Затем кое-кто из присутствующих забывает о цели визита, пытается танцевать, требует веселых песен, караоке, но все начинается чинно, за столом.

В «Калитке» же стульев не было, на поминках организовали фуршет. Я стала медленно передвигаться между группами людей, пытаюсь найти Катю. Девочка непременно здесь, она не могла не прийти на похороны женщины, заменившей ей мать. Но среди поминающих Катюши не оказалось.

Обойдя зал в третий раз, я прислонилась к колонне. В помещении царила духота, к тому же большинство присутствующих безостановочно курили.

– Классно, правда? – повернулась ко мне девушка в черном атласном платье.

Я пожала плечами.

– Вы о чем?

– Ну, шикарно проводили, – затараторила девица, – на

кладбище оркестр играл, и в ресторане клево. Вкусно готовят, куриные рулетики пробовали? Они с черносливом!

Я не знала, как поступить. Поддержать из вежливости дурацкий разговор? Изобразить восторг от «шикарно организованных» поминок? Забыть о хорошем воспитании и молча отойти от девицы, решившей надеть на похороны супер-мини-платье с открытой грудью и полуобнаженной спиной? Правда, наряд девчонки черного цвета, но он больше смахивает на ночную сорочку, которыми торгуют в секс-шопах, чем на одежду для выхода в город. Уж лучше в джинсах, чем в таком «пеньюаре».

– В церковь, жаль, не повезли, – тархтела девчонка, – а вы из какого магазина?

– Магазина?

– Ну в какой нашей точке торгуете? – поинтересовалась девушка, бодро жуя то ли пирожное, то ли булочку со взбитым кремом. – Тут только свои! Эх, в церкви красиво отпевают! Прямо плакать тянет! Но Соню-то нельзя! Самоубийц ваще положено за оградой хоронить!

Последняя фраза стукнула как молот по голове.

– Самоубийц!

– Ну да, – девица быстро проглотила очередной кусок булки, – а вы чё, не знали?

Я покачала головой.

– Ой, – всплеснула она руками, – небось вы одна такая остались! Третий день народ языком чешет. Давайте расска-

жу. Кстати, меня Лена зовут, а вас?

– Даша, – машинально ответила я и стала слушать сплетницу.

Соня ушла из жизни неожиданно для всех. Адашева ночью села в машину, отъехала недалеко от поселка, припарковала свою роскошную иномарку на обочине и выпила ликер, в котором содержался яд. Где-то около восьми утра некто Гуськов, один из соседей Адашевой, поехал на работу и наткнулся на ее машину. Мужчина вызвал милицию, и дело завертелось. Найденные возле тела письма не оставили сомнения: Софья Зелимхановна, удачливая бизнесвумен, богатая, не имевшая, по мнению многих людей, никаких материальных или моральных проблем, решила покончить с собой.

– Ну и дура, – воскликнула Лена, – мне бы ее деньги! Господи! Иметь миллионы и отравиться!

– Богатые тоже плачут, – ляпнула я.

– Только в кино, – отмахнулась Лена, – и то у них потом все пучком связывается, дети находятся, мужья любовниц бросают, наследство на башку обваливается.

Я схватила Лену за плечо:

– Не знаешь, Катя здесь?

– Которая?

– Дочка Сони.

– Незнакома с ней, – поморщилась девушка и тут же ожилилась: – Смотри, там мороженое носят и взбитые сливки. Пойду раздобуду себе вазочку.

Чуть пошатываясь на высоких каблуках, она бросилась в центр зала. Я прислонилась к колонне. Самоубийство! Ну почему мне в голову не пришло подумать про то, что Соня наложила на себя руки? Письмо я прочитала, в нем содержалась всего одна фраза: «Даша, ты обещала взять Катю!» С какой стати я решила, что Соня погибла от инфаркта? Почему в моей голове жила невесть откуда взявшаяся уверенность, что бывшая коллега нацарапала послание в палате реанимации, лежала на капельнице, умирала, вот и хватило сил всего на одну строчку?

– Смотри, какая вкуснятина, – воскликнула Лена, выныривая из толпы, – мое любимое, с орешками. Попробуй.

Я покачала головой:

– Не хочу.

– А зачем тебе дочка Сони? – полюбопытствовала Лена.

– Ну... так.

Лена зачерпнула ложкой бело-желтую массу, сунула в рот, пару секунд помолчала, потом сообщила:

– Тут она! Мне Кларка Петрова сказала.

– Где?

– Клара? У окна стоит.

Пальчик Лены, украшенный дешевым серебряным колечком, показал в сторону. Я увидела чуть поодаль, возле широкого мраморного подоконника, худенькую девушку в темно-сером брючном костюме и, забыв попрощаться в Леной, рванула к Кларе.

– Катя? – настороженно осведомилась Петрова. – Зачем она вам понадобилась? Вы не из газеты случайно? Послушайте, я понимаю, что вы находитесь на работе, но пожалейте ребенка. Девочке не сказали, что Соня покончила с собой, ей вообще никаких подробностей не сообщили.

– Я не имею отношения к желтой прессе. Давайте познакомимся, Даша Васильева, давняя знакомая Сони, еще по той, докапиталистической жизни. Она оставила письмо, читайте.

Клара осторожно взяла листок, ее лицо разгладилось, из глаз пропала настороженность.

– Вот ужас-то! – воскликнула она. – Катя сейчас спит в кабинете директора, устала очень, перенервничала, вот и уложили ее на диван покемарить.

– Наверное, лучше увезти ее отсюда.

– Думаю, да, – кивнула Клара, – только не забудьте: у Катюши нет никаких сомнений в том, что мама скончалась внезапно, от сердечного приступа. Вот ведь бедный ребенок! Такое горе не всякий взрослый перенесет! Вы уж поосторожней.

– Не волнуйтесь, – кивнула я, – ни слова не оброню. Только рано или поздно она все узнает. Газеты начнут всякую дрянь писать, и потом, всегда находятся «добрые» люди, желающие во что бы то ни стало сообщить ребенку совсем ненужную ему правду!

– Наверное, лучше увезти Катю на время, – предложила

Клара, – за границу, на курорт.

Я кивнула:

– Дельная мысль. Но для начала я хочу забрать ее домой. Где кабинет директора?

– Войдите вон в ту дверь, потом по коридору налево, – объяснила мне дорогу Клара.

Я толкнула тяжелую, похоже, сделанную из цельного дуба дверь и оказалась в коридоре. Никаких деревянных панелей, ковров и бронзовых бра, украшавших зал ресторана, тут не было. Передо мной расстиралось офисное помещение. Серые стены, того же цвета двери из пластика и плитка на полу.

Я сделала пару шагов, и тут в том месте, где коридор разветвлялся, появилась фигура. На секунду меня обуял ужас. В неуютном свете галогеновых ламп я увидела девочку, одетую в белое платье, на голове у нее высоко топорщился венок. Бросив на меня быстрый взгляд, она повернулась и быстрым шагом пошла прочь. Я потрясла головой и с криком: «Немедленно стой!» – ринулась следом.

Девочка оглянулась, заметила меня и полетела вперед. Ее ноги, обутые в удобные тапочки, быстро замелькали в воздухе. Я же, как назло, нацепила шлепки с длинными, сильно вырезанными носами. Держались они практически на больших пальцах, пятка не фиксировалась тонюсеньким ремешком, крохотный, толщиной со спичку, каблучок завершал картину. Не то что бегать, даже ходить в такой обуви крайне неудобно. Ни за что бы не купила себе подобные, предпочи-

таю летом мокасины или, на худой конец, полузакрытые бо-соножки. Но Зайка сегодня утром посмотрела на мои лапы и стала возмущаться:

– Безобразие! Ходишь, словно бомжиха, невесть в чем! На, немедленно надень мои и носи их всегда.

Спорить с Ольгой бесполезно, поэтому я побрела в сад в навязанной мне обновке. Потом, ошарашенная известием о смерти Сони, я кинулась к машине в чем была. И сейчас пыталась угнаться за проворным привидением. Но куда там!

Коридор снова разделился на две части. Девчонка свернула влево, я попыталась сделать тот же маневр, споткнулась, потеряла противные шлепанцы, понеслась дальше босиком и уперлась в дверь. Дорога закончилась. Девочка могла скрыться только за дверью. Я ощутила полнейшую безысходность, но все же дернула за ручку. Скорей всего, сейчас увижу двор. «Призрак» отлично разбирается в служебных помещениях ресторана, он неся к черному выходу не раздумывая.

Нос уловил упоительный запах свежееиспеченных булочек. Я заморгала, за створкой скрывалась не улица, а огромная кухня, битком набитая людьми.

– Простите, – растерянно спросила я у тетки, вытаскивающей из духовки железный лист с пирожками, – девочку не видели?

– У нас здесь мальчиков нет, – весело ответила баба, повернув ко мне красное потное лицо, – сплошняком девчон-

ки. Какую хочешь? Выбирай! Потолще, потоньше, с румяной корочкой или недопеченную? На любой вкус найдем.

– В белом платье и веночке! Видели такую?

Повариха поставила лист на доску и хмыкнула:

– Нас тут чертова тьма толчется, все в белом и в колпаках.

Я огляделась. Действительно. Служащие, деловито сновавшие по пищеблоку, носили довольно широкие балахоны на пуговицах. Кто-то перехватил талию поясом, другие предпочли «свободный» вариант. А на головах у женщин были странные сооружения из скрученной марли, нечто вроде беретов, но без дна. Издали подобную «шляпу» вполне можно принять за венок.

– Извините, – попятилась я в коридор, – перепутала случайно, я не сюда шла.

– Бывает, – легко согласилась повариха, потом покосилась на мои босые ноги и поинтересовалась: – Че, теперь мода такая, без босоножек ходить? Может, и хорошо, ступня не потеет, только грязно, грибок подцепить не боишься?

Я вышла в коридор, отыскиала обувь и попыталась утихомирить отчаянно стучавшее сердце. Любое мистическое событие имеет, как правило, вполне материалистическое объяснение. Небось навстречу мне попался поваришка, удравший из душевой кухни с желанием покурить или попросту погулять. Небось ученица тайком ускользнула от мастера, хотела остаться незамеченной, выскочила в коридор, и тут на нее налетела я с воплем «Стой!». Девочка решила, что ее вы-

числило начальство ресторана, испугалась и кинулась назад.

Успокоившись, я нашла кабинет директора и увидела Катю, мирно смотрящую телевизор. Узнав меня, девочка щелкнула пультом и вежливо встала.

– Здравствуйте.

– Садись, Катюша, – сказала я, испытывая сильное смущение, – как дела?

– Плохо, – серьезно ответила девочка, – знаете же, мама умерла.

К моим щекам прилил жар. Надо же было задать бедному ребенку столь идиотский вопрос!

– Катенька, твоя мама просила меня в случае ее смерти позаботиться о тебе...

Девочка молчала, опустив глаза в пол.

– Конечно, Соню не вернуть, скорей всего, я не сумею полностью заменить тебе маму, но...

– Мне нельзя жить одной? – уточнила Катя.

– Нет.

– Почему?

– Понимаешь, по закону подросток твоего возраста, если он остался без родителей, отправляется в детский дом. В приют сирота не попадает только в одном случае: если находится опекун, готовый содержать и воспитывать его.

Катя поморщилась.

– У меня есть деньги. Вернее, они мамины, но теперь-то мои. Небось завещание она оставила.

– Думается, тебе лучше будет у нас, чем в интернате, – сказала я, – а вопрос о денежных средствах и всяких юридических формальностях решат адвокаты, в частности, мой сын, он хороший юрист.

Катя закусила нижнюю губу.

– Мы тебя не обидим, – уговаривала я девочку, – поверь, в нашем доме много детей. У Маши, моей дочери, полно подруг, ты с ними сможешь общаться, скучать тебе не придется.

Катя выпрямилась.

– Деньги...

Я не дала ей договорить:

– Твои личные средства нам не нужны. Мы достаточно обеспечены, чтобы прокормить еще одного ребенка и дать ему необходимое образование. Если мы подружмся, то будем спокойно жить вместе и дальше, если нет, то в день восемнадцатилетия ты уедешь от нас. Ни дом, ни квартиру, извини, не знаю, чем еще обладала Соня, я не трону. Движимое и недвижимое имущество, капитал, акции – все останется у тебя в целости и сохранности. Ни в коей мере я не претендую ни на одну копейку.

– Вы меня не так поняли, – протянула Катя. – Моя фамилия Адашева.

– Боишься, что мы заставим тебя поменять ее на Васильеву? Ну и бред! Кстати, мои дети Воронцовы и...

– Дайте договорить, – перебила меня Катя. – Опять не по-

няли. Адашевы из милости ни у кого не живут. Хорошо, я поеду с вами, раз мама так велела. И потом, в детском доме небось гадко, комната на двоих. Я привыкла одна в спальне быть.

Я улыбнулась. В интернате, как правило, вместе ютятся одновременно четверо, шестеро, а то и большее количество ребят. Да детдомовцы мечтают очутиться в комнате всего с парой кроватей.

– Поеду с вами при одном условии, – решительно продолжала Катя. – Обещайте записывать все потраченные на меня средства каждый день. Ну, примерно так: десятое августа – обед, ужин, конфеты. Итого: на питание двести рублей. Стирка белья, покупка одежды, квартплата, электричество... Я люблю в Интернете сидеть, абонентская плата пойдет. Все-все, до копейки пишите, я проверять стану, чтобы меньше не указали. А когда своими средствами распоряжаться смогу, то в тот же момент долг верну!

Я постаралась не измениться в лице. Хорошо хоть Катя предположила, что я буду преуменьшать, а не преувеличивать свои расходы.

– Идет? – спросила девочка. – Вы согласны?

Ну и как мне быть? Конечно, подросткам свойственны странные реакции, а Кате небось досталась от предков непомерная кавказская гордость. Насколько я знаю, Соня родилась в Москве, про отца ее, Зелимхана, я, правда, ничего не знаю, но он много лет жил в столице. Однако ведь генети-

ку никто не отменял. Ох, тяжело нам придется с девочкой. Похоже, ей никто никогда не объяснял, что, кроме материальных забот, есть еще и моральные, а их как оценить? Мне что, писать в тетрадке: «Один поцелуй на ночь – десять рублей»? Или: «Разговор с учительницей математики – червонец»? Хотя нет, за поход в школу и тысячи мало.

– Ну? – поторопила меня Катя.

– Хорошо, – кивнула я, – завтра же куплю амбарную книгу.

– Тогда сначала поехали ко мне домой, – деловито сказала Катя. – Я вещи соберу.

Глава 7

Роскошный особняк смотрел на мир черными окнами. Катюша уверенно щелкнула пультом. На одном из столбиков забора заморгала красная лампочка. Ворота медленно отъехали в сторону.

– Вы припаркуйтесь у задней двери, – велела Катя, – и подождите пока в гостиной, я постараюсь не задерживаться.

– Я не спешу, – быстро сказала я, – собирайся сколько хочешь.

Катя кивнула.

– Кофе хотите?

– Нет, спасибо, я лучше так посижу.

– Вон пульт от телика.

– Хорошо, не волнуйся.

Катюша резко повернулась и пошла к лестнице, я осталась одна в огромной, более чем пятидесятиметровой комнате.

Сколько у них книг! Полки идут от пола до потолка, и, похоже, тут полно детективов. Вон книги Марининой, Поляковой, Устиновой... а еще Рекс Стаут, Дик Фрэнсис, Агата Кристи, Нейо Марш. Похоже, Соня страстная любительница криминальных романов. Надо же, она никогда не говорила раньше о том, что увлекается подобной литературой. Интересно, Кате нравятся такие книги?

Что бы ни говорили педагоги о воспитании, яблоко от яб-

лони недалеко падает. Можно каждый день лупить ребенка, но если ваша мама и бабушка до глубокой старости не сумели выучить таблицу умножения, то, скорей всего, их внучка и правнучка окажутся круглыми двоечницами по математике и никакие педагогические меры не помогут. Дитя можно обтесать, научить его вставать при виде взрослых, не перебивать старших, мыться на ночь, чистить зубы, но если его предки за сотни лет выработали умение прятать глубоко внутри любые душевные переживания, то ребенок абсолютно невольно будет вести себя так же. Насколько я помню, Соня никогда не распространялась о каких-либо домашних делах. Она была приветлива со всеми на кафедре, не хамила людям, как Роза, не задирала нос, не кичилась редким для советских людей материальным благополучием. Улыбчивую, слегка апатичную, безукоризненно воспитанную, способную протянуть руку помощи, но, на мой взгляд, эмоционально холодную Соню Адашеву ничто не могло вывести из себя. А оказывается, она была иной – умело скрывала свои истинные чувства. Похоже, Катя из той же когорты. Девочка сегодня похоронила мать, во второй раз. С человеком такое несчастье случается единожды, а Катюшу бог наказал дважды. Не всякий взрослый справится в таком случае с эмоциями, большинство из нас свалится в истерическом припадке. А Катя гордо «держит лицо». Право, не знаю, хорошо это или плохо?

Я потянулась к сигаретам. Сделав пару затяжек, встала и

распахнула окно. Из сада сладко запахло фиалками. Темное небо с крупными звездами нависало над поселком, несмотря на поздний час, на улице стояла духота. Ужасно, когда человек решает свести счеты с жизнью, еще страшней, если рядом не находится того, кто способен сказать: «Погоди, поживи еще недельку, глядишь, ситуация окажется не столь безнадежной».

Сколько людей, ночью пообещавших себе повеситься, дожив до утра, изменили свое решение? Ну почему я тогда уехала, оставив Соню одну?

Вдали, между елями, высаженными вдоль забора, мелькнуло что-то белое. Я вгляделась. Светлое пятно копошилось у забора. Кошка? Небось охотится на полевых мышей. Впрочем, нет. Собака! Боже мой! Девочка! В белом!

Я оперлась о подоконник и выскочила в сад.

– Эй, стой, – крикнула я, быстрым шагом двигаясь к изгороди, – погоди!

Белая тень нырнула в заросли, я ринулась за ней, продираясь сквозь кусты ежевики, вся исцарапалась, уперлась носом в забор и остановилась. Похоже, мне не догнать «гостью».

Плохо понимая, кто и зачем лазил по участку, я повернула голову влево и ахнула. На колючках покачивалась розовая сумочка на длинном ремешке, точь-в-точь такая, как у девочки, напугавшей Соню на собачьей выставке.

Я схватила клеенчатый планшет, сунула его под свою футболку, потом вернулась в дом так же, как и покинула его,

поднялась на второй этаж и постучалась в дверь к Кате:

– Можно, котик?

Нет ответа.

Очень осторожно я приоткрыла дверь и заглянула внутрь. Огромная комната с шикарной обстановкой, плазменным телевизором и супернавороченным компьютером оказалась пуста. На кровати стоял полупустой чемодан, масса вещей валялась на ковре. Слева в спальне имелась еще одна дверь, похоже, она вела в ванную, потому что оттуда доносился плеск воды. Катя решила принять душ. Оценив обстановку, я поняла, что девочка прособирается еще как минимум два часа, и побежала к выходу.

Охранник, стоявший у шлагбаума при въезде в «Ниву», молча выслушал мою гневную речь, потом ответил:

– Мимо нас мышь не проскочит, посторонних не пускаем. Я всех торможу, на номер машины смотрю и разрешаю проезд согласно заказанному из коттеджа пропуску.

– Но в саду Адашевой кто-то разгуливал! Вот сумочка.

– Не знаю, – отбил мяч секьюрити, – за жильцами я не слежу, тут семьдесят девять домов. Мало ли кто чем занимается! Могут и по чужим участкам шастать.

Решив не сдаваться, я села в «Пежо» и медленно объехала поселок. Знаете, что я выяснила? Да, у официального въезда стоит будка с огромным амбалом, но со стороны леса нет никакой охраны. В одном месте забор разобран, и в глубь мас-

сива деревьев тянется достаточно широкая, хорошо утрямбованная дорога, по которой способен пройти не только пешеход, но и проехать мотоцикл и не слишком большой автомобиль. Мой «Пежо», имея он чуть более высокую посадку, элементарно покатит по «шоссе».

Выяснив это, я снова подъехала к секьюрити и сердито сказала:

– Со стороны леса можно беспрепятственно попасть в «Ниву». Неужели никто до сих пор не сообщил вам про сломанный забор?

Парень надулся:

– Мое дело маленькое, велено тут дежурить. Ежели кто чего нарушил, топайте к председателю. Задняя ограда не мой объект!

– Ладно, – кивнула я, – вы правы. С какой стати вам беспокоиться о том, что не записано в служебной инструкции? Скажите, о несчастье с Софьей Адашевой вы слышали?

Охранник кивнул:

– Милиция приезжала, ясное дело, народ гудит. Плохо ей на дороге стало, прямо на шоссе померла. Во до чего деньги доводят. Нет уж, лучше маленькая зарплата, да сам живой!

– Знаете место, где Соня скончалась?

– А вам зачем? – подозрительно насупился юноша.

– Примерно час назад мы с Катей, дочерью Сони, – терпеливо объяснила я, – проехали мимо вас. Девочка высунулась в окно и сказала: «Еду домой». И вы открыли шлагбаум.

– Правильно поступил, – залопотал охранник. – Катю я хорошо знаю, она здесь постоянно проживает...

– Вы бдительный и хороший служащий, – улыбнулась я, – никаких претензий к вам у меня нет, просто хотела объяснить: я близкая родственница Кати, она теперь будет жить у нас, в Ложкине. А о месте, где случилось несчастье с Соней, я спрашиваю потому, что хочу повесить там на дереве венок. Знаете, традиция такая есть.

– А-а-а, – протянул парень, – тут близко, полкилометра не будет. Второй поворот, у оврага громадная береза стоит, там все и случилось.

Я доехала до места, постояла на дороге, спустилась в овраг, увидела тропинку и пошла по ней, светя перед собой фонарем, который на всякий пожарный случай всегда вожу в багажнике.

Извилистая дорожка бежала между деревьями, потом она резко свернула влево и уперлась в утрамбованный проселок. Я присела на пенек. Так. По правую руку виден задний забор «Нивы» и большой пролом в нем, то есть с основного шоссе легко можно попасть на задворки поселка, нужно лишь пройти по тропинке. Интересно, куда ведет проселочная дорога?

Я снова вернулась к охраннику.

– Ну, нашли? – спросил юноша, поднимая шлаббаум.

– Да, спасибо, береза очень приметная. Не знаете, если поехать по той дороге, ну, по уходящей к поломанному за-

бору, то где окажешься?

Юноша хмыкнул:

– В деревне. Грызово ей имечко. Жители тут работают, не все, но многие, те, которые не пьют.

– Да?

– Ага. Кто траву на участках косит, кто заборы чинит, я сам оттуда, – разоткровенничался охранник. – Во повезло! Работы-то в Грызове не найти, народ в Москву катается. Пехом на электричку, потом на метро. Вон Райка в парикмахерской в столице ученицей стоит, в пять утра на работу из дому вылетает! Ваще, с ума сойти. С другой стороны, куда деваться? В Грызове-то делать не фига. Лишь огород и коровы. У нас тама мрак! Водопровода нет, туалет во дворе! Зимой в отхожее место бегать прям беда, пока взад-вперед смотаешься, задубеешь до смерти. А мне повезло, в охрану взяли. Двое суток тут, двое дома дрыхну. И деньги нормальные, и ехать никуда не надо. По дорожке пробежался и на месте. По шоссе-то никто не ходит, крюк большой.

Я усмехнулась. Естественно, парень знает про пролом в заборе и спокойно пользуется им!

Увидев мою ухмылку, охранник вновь надулся и пробубнил:

– Чего стоите? Проезжайте, не загораживайте вход.

Я прождала Катю еще часа полтора. Сидела в кресле, раздумывая над сложившейся ситуацией. В какой-то момент,

вынырнув из мыслей, я подняла глаза и заорала. На меня от двери надвигался огромный дядька, настоящий монстр, чудовищная глыба с огромными, лопатообразными ладонями, без шеи и с маленькими глазками, похожими на два уголька.

– Здрасьти, – загудел он.

– Вы кто? – дрожащим голосом, пытаюсь нашарить мобильный телефон, спросила я. – Как попали в запертый дом? Зачем?

– Дык, – начал размахивать ручищами дядька, – мы... того... выносить пришел... Колька я, здрассти, пожалуйста... извиняйте, конечно, вещички отдайте!

– Сейчас милицию вызову, – пообещала я.

– Зачем? – изумился великан. – Вещички отдавайте, и делу конец.

Боясь потерять сознание от страха, я рылась руками в сумке. Ну где же мобильный?

– Коля, – сердито заявила Катя, появляясь в гостиной. – Ты почему тут?

– Дык... вещички давайте!

– Они на втором этаже!

– Ты его знаешь? – в изумлении спросила я.

– Да, – кивнула Катя, – это Колька! Местный идиот! Я позвала его чемоданы таскать. Он тебя испугал?

Я отметила, что девочка перестала обращаться ко мне на «вы», и кивнула:

– Есть немного, он возник так внезапно.

– Кретин, – топнула ногой Катя, – на секунду оставить нельзя! Ведь велела дуболому: ступай по лестнице вверх! Нет, порулил в гостиную. Зла на тебя не хватает! А ну марш за баулами!

На лице Николая появилась виноватая улыбка.

– Дык... не сердитесь!

– Какой толк на тебя злиться!

– Уж простите!

– Ладно, ступай!

– Я хороший? – ныл мужик. – Да? Коля старательный?

– Коля замечательный, – со вздохом вымолвила Катя, – умный, красивый, услужливый. А теперь вали за шмотками. Снеси кофры вниз и уложи в машину. Кстати, мне придется взять с собой Зифу!

– Конечно, – кивнула я, – шпиц поедет с нами. У меня и в мыслях не было оставить тут собаку одну.

– Коля, действуй, – велела девочка.

Гигант ломанулся в дверь.

– Беда с ним, – хмыкнула Катя, – тело борца сумо, а мозг как у мухи.

Несмотря на недоразвитый ум, Коля ловко справился с задачей. Мы с Катей сели в автомобиль, набитый багажом.

– У меня нет наличных денег, – вздохнула девочка.

Я вытащила сто рублей.

– Вот, дай ему.

– Никогда, – отрезала Катя, – с какой стати такую сумму

отваливать? Десятки хватит!

– Понимаешь, у меня тоже отсутствует наличка, одна эта бумажка.

– Значит, ничего не дадим.

– Так нельзя! – возмутилась я.

– Можно, – отмахнулась Катя, – он дурак!

– Потому и нельзя, – окончательно разозлилась я, – обижать убогого грех! Эй, Коля, ты отлично справился с делами.

Розовая бумажка перекочевала в ладонь гиганта. Я выехала со двора, Катя молчала до того момента, как машина вырулила на Новорижскую трассу. Потом она сказала:

– Колька нес мои вещи, верно?

– Да.

– Значит, мне и платить?

– В общем, правильно, – осторожно ответила я, уже сообщив, что любую ситуацию с деньгами Катя воспринимает не совсем адекватно.

– Я хотела дать дураку десятку, больше его услуги не стоят, – размышляла Катя, – но ты всучила ему столик.

– И что?

– Думаю, будет справедливо, если запишешь на мой счет чирик, – решительно заявила Катя, – девяносто целковых ты потеряла!

Я не нашла, что ответить малолетней скупердяйке, и от растерянности изо всех сил нажала на газ. Обычно я езжу со скоростью примерно шестьдесят километров в час, меня

пугает интенсивное движение, предпочитаю плюхать в правом ряду, выруливая в крайний левый только в редких случаях. Но сейчас я летела по трассе около разделительного отбойника, не глядя на спидометр. Дорога совершенно пуста, никаких неприятностей не предвидится. Стоило мне об этом подумать, как послышался резкий свист. Я притормозила. Вот оно, Дашуткино счастье, на обочине в столь поздний час притаился сотрудник ГИБДД.

Глава 8

– Что же вы, госпожа Васильева, гоняете, да еще с ребенком, – проговорил мент, листая документы.

– Случайно вышло, – пискнула я.

– Ладно, – пробасил дядька, – и как поступим? А? Делать что будем? Протокольчик составим? Кстати, надо номера по компу пробить, вдруг ваша машина в угоне!

– Вы же держите в руках техпаспорт!

– И чего? Вы могли приобрести краденую! Лады, ща поедем в отделение.

– Давайте я штраф заплачу, прямо тут! Сто рублей!

Гаишник вытянул губы трубочкой, цокнул языком и заявил:

– Нельзя. Только через сберкаассу.

– Так все берут!

– А я нет! У нас проверки, оборотней ловят.

– Неужели в отделение потащите? – испугалась я. – С девочкой и вещами? Ночь на дворе. Возьмите стольник, и распрощаемся.

– Взятки не беру.

Я приуныла. Дашуткино счастье оказалось слишком полным. Интересно, сколько в Москве честных инспекторов? Надо же было мне нарваться на одного из них.

– Штраф не возьму, – гундосил дядька, – а пожертвование

с дорогой душой. Слышала небось?

– О чем?

– Не знаешь? Сегодня день защиты спецсигнала, – на полном серьезе заявил мент. – Все моргалки и крякалки празднуют. Моя сирена может подарочек принять, как именинница. Для нее возьму, а штраф не приму.

Я полезла за кошельком. Спокойно, Дашута. Этот кабан такой же, как и все. Есть только одно отличие. Нормальный сотрудник ДПС примет мзду, улыбнется и отпустит тебя, а сей субъект шутник. День защиты спецсигнала!

Я открыла бумажник и увидела, что он пуст. О черт! Со всем забыла. Я ведь отдала последнюю купюру Коле!

– Ну, че копаешься? – поторопил меня мент.

– Простите, денег нет.

– Совсем?

– Вот, – продемонстрировала я портмоне, – уж извините.

– Значит, бедная такая!

– Нет, просто наличка кончилась.

– Не хочешь мою сирену порадовать, – покраснел шутник, – ладно, значица...

– Понимаете, – затараторила я, размахивая перед его носом кредиткой, – я не притворяюсь нищей.

– У тебя и не получится с такими серьгами, – рявкнул гаишник.

– Да, да. Просто я забыла снять наличку.

– Ага. Сирота с золотой кредиткой.

– Здесь есть где-нибудь банкомат? – воскликнула я.

– На шоссе? В поле?

– Ну... да, вы правы. Что же нам делать?

– В отделение ехать, – рявкнул гаишник.

– Ой, не надо! Вот! Я придумала! Может, у вас имеется в машине терминал?

– Терминал?

– Ну да, знаете небось, такая штука, в нее всовывают в магазинах карточки, а она чек выбивает...

– Чек?

– Ну да! Я не одна такая, с кредиткой. Ими пользуется сейчас много народа. Вы бы попросили начальство установить в ваших автомобилях такие кассы. Вот у нас приятели поехали в Эмираты, так там в пустыне даже у бедуина оказался ноутбук, и они заплатили карточкой за сувениры. И вам так надо сделать.

– Мне?!!

Внезапно идея с терминалом перестала казаться мне гениальной.

– Еще и издевается, – протянул гаишник. – Следуйте за мной.

– Непременно, – неожиданно сказала Катя, – именно так и сделаем. Но по дороге позвоним в вашу службу безопасности. Пусть они тоже подкатывают, думаю, им очень понравится идея про день защиты спецсигнала.

– Кто ж тебе поверит? – хрюкнул мент.

Катя вытащила из сумочки плоский, никелированный прямоугольник.

– Про диктофон слышал? Все классно записалось!

Гаишник напрягся, Катя хихикнула и сказала, направив аппарат к нему:

– Новорижское шоссе, ночь, сотрудник ДПС, бляха номер... Кстати, вы не представились. Имя, фамилия, звание! Вы нарушили должностную инструкцию.

– Уезжайте!

– Нет, – уперлась Катя, – назовите имя, фамилию и звание!

– Укатывай!

– Вы нарушаете закон. Обязаны представиться.

Я хотела завести мотор, но Катя ловко выдернула ключи из зажигания.

– Ненавижу вымогателей, – заявила она, – люди деньги зарабатывают, а эти их потом стригут.

– Вали отсюда!

– Ладно, – кивнула девочка, – только найти вас по номеру бляхи ничего не стоит.

– Слушай, – сбавил тон гаишник, – отдай диктофон, а я вас за это отпущу.

– И так уедем, – подмигнула девочка, – в отделение нас не потянешь, побоишься! Хочешь аппарат? Он денег стоит!

– Сколько?

– Триста баксов.

– Офигела?

– Нет. Свобода дороже. Завтра непременно отвезу его в...

– Пятьдесят гринов, – быстро предложил мент.

– Не, триста.

– Сто.

– Три сотни.

– Сто пятьдесят.

– Две с половиной, – пошла на уступку девочка.

– Двести, – буркнул гаишник, – больше нет.

– Ну ладно, – смиростивилась Катя, – давай.

– Э, хитрая! Сначала аппарат.

– Нашел дуру! Гони башли.

Я с раскрытым ртом внимала разговору. Наконец пара пришла к консенсусу. Гаишник вывалил Кате на колени кучу мятых сторублевок. Девочка отдала ему диктофон, аккуратно сложила бумажки и покачала головой:

– Денежки уважать надо, тогда они водиться станут. Скомкал купюры, грязнуля. Здесь стольника не хватает. Мы же по курсу ЦБ рассчитываемся?

– У матери возьми, – рявкнул мент, – она мне должна осталась!

Катя задумчиво посмотрела на меня.

– Поехали домой.

– Далеко пойдешь, девка, – ожил гаишник.

Катя усмехнулась:

– Дальше, чем ты думаешь!

На этой фразе с меня спало оцепенение, я нажала на педаль, «Пежо» рванул вперед.

– Вот как с ними надо, – назидательно произнесла Катерина, любовно пряча купюры в сумочку. – Привыкли шантажом заниматься, но не на такую напали, обломалось! Неплохо я заработала.

– Но ты отдала хороший диктофон, – напомнила я, – небось он дорого стоил. Не жалко?

Катя звонко рассмеялась:

– Ни на минутку. И потом, кто сказал тебе, что аппарат хороший? Он давно сломан, вообще не пашет. Надо было выбросить, да меня жаба душила, вот и прихватила его с собой. Уж не знаю зачем, из чистой жадности!

– Значит, никакой записи нет?

– Прикинь, во приколы! – веселилась девочка. – Сел этот урод в машину, тык, тык в кнопки, а там ни фиги! Купил почти за двести баксов дерьмо. Так ему и надо! Мерзавцев учат!

У меня не нашлось слов, чтобы прокомментировать ситуацию. Только въехав в Ложкино, я сумела выдавить из себя вопрос:

– А включи гаишник диктофон при нас? Ну догадайся он проверить правдивость твоих слов, тогда как?

Катя распахнула огромные карие глаза:

– Зачем думать о том, чего не случилось? Не парься по пустякам, не создавай проблем из ничего.

Пока Иван перетаскивал из машины чемоданы, я провела Катю в комнату для гостей, распахнула дверь и улыбнулась:

– Нравится? Если нет, рядом имеется еще одно пустующее помещение, но оно без эркера.

Катя поморщилась:

– Куда деваться! Здесь останусь.

– Понимаешь, – по непонятной причине принялась оправдываться я, – в нашем доме, хоть он по метражу и такой же, как ваш, больше комнат, поэтому огромных помещений, вроде твоей детской, нет. Людей здесь много живет. Вот гостиную пятьдесят метров мы сделали...

– Я переживу тесноту, – сказала Катя, осматривая двадцатиметровое пространство. – Но здесь нет компа.

– Завтра поставим.

– Ну и хорошо, – кивнула девочка, – горничная имеется?

– Да, ее Ира зовут.

– Пусть придет, разберет вещи.

– Уже поздно, она спит.

Катя села на кровать.

– Ты платишь ей помесечно или за день?

– Ира получает оклад, первого числа каждого месяца даю ей конверт.

– Глупо. Надо рассчитываться ежедневно, а то получается, что она спит за твои деньги. Давай научу, как положено прислуге платить, – оживилась Катя. – Прикидываешь, сколько

часов в день она тебе нужна, и говоришь ей: «Люся...»

– Ира.

– Не важно! Хорошо: «Ира, будешь получать за работу ну... доллар в час». Уж поверь мне, она при таком раскладе про сон забудет, станет всех у двери после полуночи караулить.

– Но получится, что ей больше трехсот баксов в месяц не заработать.

– Вполне хватит.

– За уборку трехэтажного коттеджа? Стирку, глажку, мытье посуды...

Катя всплеснула руками.

– Ты ей больше даешь?

– Ну да.

– За что же?

– Уборка, стирка, глажка, – вновь принялась перечислять я.

– Ой, не смейся! – взъелась Катя. – Пылесос есть?

– Конечно, целых три. Маленький, большой и моющий.

– Стиральная машина?

– Естественно.

– Посудомойка?

– Да, на кухне стоит.

– Небось и гладильная доска суперская, с вентилятором и парогенератором.

– Точно, откуда ты знаешь?

– А, у нас такая же, – отмахнулась Катя. – Ни фиги твоя Люся...

– Ира!

– ... не делает. Механизмы за нее работают. Она где живет?

– Тут, в доме.

– Сколько за житье вычитаешь?

– Ничего.

– А жрет где?

– Ну...

– Ясно, – резюмировала Катя. – Не ты ей, а она тебе платить должна! Устроилась на всем готовом, вкусного похавала, кофе попила и на боковую. Не умеешь ты хозяйство вести. Хочешь, я в свои руки его возьму? Поверь, ты удивишься, сколько денег сэкономить можно.

– Привет, – заглянула в дверь Манюня. – Я Маша! А ты Катя, верно?

Катерина моргнула и с достоинством ответила:

– Да. А ты всегда врываешься в чужую комнату без стука? Если так, то мне нужен замок, не люблю, когда без спроса лезут!

Машка заморгала, а я со словами «ну вы тут знакомьтесь» быстро улизнула в коридор. Похоже, жизнь в нашем доме приобретает новые, до сих пор неизвестные краски.

Ночью мне не спалось. Промаявшись в кровати, я встала и вышла в сад покурить. Дома даже не стоит пробовать за-

жигать сигарету. В нашей семье курю одна я, остальные ведут здоровый образ жизни, они любят жареное мясо, коньяк, взбитые сливки, пиво... Каждый раз, когда я пытаюсь затянуться, кто-нибудь из домочадцев влетает в мою спальню с воплем:

– Немедленно загаси сигарету, на весь дом воняет.

Интересно, отчего мне никогда не приходила в голову идея нацепить с внутренней стороны крючок?

В кустах раздавался шорох, из искусственного ручейка, воду в котором гоняет моторчик, доносилось оглушительное кваканье. В свое время, когда мы делали на участке так называемый ландшафтный дизайн, я была против любой воды и попыталась объяснить детям свою позицию.

– В пруду непременно поселятся квакушки, и еще от него полетят комары.

Но мои слабые возражения были затоптаны. Правда, пруд рыть не стали, ограничились ручьем. Не прошло и месяца, как на его берегах поселились все лягушки Ложкина. Ведут они себя нагло. Днем беззастенчиво прыгают по саду, ночью поют хором. У остальных ложкинцев по лужайкам носятся собаки и зеленые, пучеглазые создания не рискуют соваться на территорию. У нас вроде тоже имеются псы. Но ротвейлер Снап не замечает земноводных. В качестве объекта еды он их не воспринимает, а все то, что нельзя съесть, Снапуна не волнует. Мопс Хуч слишком брезглив, чтобы нападать на нестерильных тварей. Впрочем, был в его жизни се-

зон охоты на полевых мышей, но об этом эпизоде я уже рассказывала и повторяться не буду. Вот пуделиха с удовольствием бы полакомилась лягушатинной, но Черри совсем старая, она плохо видит, еще хуже слышит, поэтому Кеша иногда просто покупает ей в супермаркете лягушачьи лапки, до которых наша старушонка большая охотница. Йоркшириха Жюли, как светские дамы девятнадцатого века, падает в обморок при виде любой опасности. По саду тоже ходит осторожно, на землю с дорожки не ступает, да и, честно говоря, лягушки-то покрупней этой, с позволения сказать, собаки будут. Скорей уж они на нее нападут, приняв за волосатого таракана.

Сев на скамеечку, я призадумалась. Итак, с чего начать? Соня не могла покончить жизнь самоубийством. Знаете, почему я пришла к такому выводу? Во время нашего последнего разговора Адашева рассказала о своей вере в бога. Более того, она откровенно призналась, что лишь религиозные чувства удержали ее от сведения счетов с жизнью в тот год, когда в авиакатастрофе погибла ее семья. Если уж тогда Соня не убила себя, то почему сделала это сейчас? Из-за девочки в белом? Мучилась совестью, вспоминая убитого ею подростка? Но ведь Зелимхан объяснил дочери, что на дороге был манекен! А вдруг он все придумал, чтобы избавить дочь от мук совести? На самом деле Соня сбила ребенка, и вот теперь, спустя много лет, он решил отомстить, прикинулся живым...

Я раздавила окурок, поковыряла носком тапки землю, сунула в крохотную ямку бычок, утрамбовала холмик и покачала головой. Ну и дурь пришла мне в голову! Привидений не существует. Но девочка-то была! Я сама видела ее сначала на выставке собак, а потом в саду у Адашевой. Розовая сумочка из клеенки лежит в моей спальне. И о чем это свидетельствует? Соня не собиралась добровольно уходить на тот свет, кто-то методично сводил ее с ума. Переоделся подростком, нацепил белое платье, венок и начал пугать Адашеву. В конце концов потерявшая всякий разум Соня выпила яд. Это самое настоящее убийство. И зачем уничтожать ее? Ответ прост: тогда на дороге был не манекен, а живая девочка. Очевидно, Зелимхан, человек богатый, дал родителям погибшей большую сумму, вот они и молчали. Но сейчас решили отомстить, причем не только Соне. Она ведь уже мертва, а девочка рылась в саду Адашевых. Следовательно, следующий объект мести – Катя.

Я просто обязана найти того, кто задумал черное дело, иначе над Катюшей будет висеть страшная опасность.

А сейчас нечего больше курить – пора спать. С гудящей головой я пришла в спальню, залезла под одеяло и, тяжело вздыхая, попыталась найти в кровати уютное местечко. Повертевшись пару минут с боку на бок, я горько пожалела о том, что мою постель теперь украшает замечательно ровный матрас, настоящий праздник для позвоночника. Конечно, спине от него только польза, но заснуть на нем бывает

просто невозможно. Вот на старой продавленной софе, где я, будучи малооплачиваемой преподавательницей, долгие годы спала, имелась очень уютная выемка. Если ко мне начинала подбираться бессонница, я забивалась в ямку и мгновенно отбывала в страну Морфея. Теперь же, став богатой дамой, я начисто лишена такой возможности и сейчас переползаю из угла в угол двухметрового «аэродрома», надеясь обнаружить на нем нечто похожее на ту замечательную впадину.

И тут в спальню ворвалась Маня и зашмыгала носом.

– Муся! Это полная катастрофа!

Я испугалась, быстро села и спросила:

– Что на этот раз?

Маруська обладает редким даром влипать во всякие неприятности. Когда мы несколько лет тому назад поехали в Тунис, Манюня, выбежав в первый раз к бассейну, поскользнулась и сильно рассекла ногу, шрам виден у нее на ступне до сих пор. В Италии она отравилась морепродуктами, на Кипре ухитрилась подцепить непонятную инфекцию, мучившую ее весь отдых и загадочно исчезнувшую в Москве. В Лондоне девочка опрокинула на себя чашку с очень горячим какао, от сильного ожога Машку спасли джинсы. Но, поняв, что с ней случилась очередная беда, Маня никогда не расстраивается, относится к казусам философски. Но сейчас она плачет, нос распух, глаза красные.

– Что случилось? – принялась я расспрашивать девочку.

– Не знаю, – простонала Маруська, – мне плохо! Кашель

напал, насморк, чихаю все время.

– Ты заболела!

– Нет, только не это!

– Не стоит расстраиваться, – улыбнулась я, – посидишь три дня дома и выздоровеешь.

– Муся, – заломила руки Маня, – ты забыла, да? У Сашки Хейфец завтра день рождения! Я же не могу не пойти!

С этими словами Машка принялась отчаянно чихать, кашлять и тереть слезящиеся глаза. Я тяжело вздохнула. У Маши одна самая лучшая подруга – Саша Хейфец и один лучший друг – Кирилл Когтев. Познакомились они в детском саду и с тех пор не расстаются. День рождения Сашки для Мани важнее собственного, поэтому приготовления к празднику шли давно, и вот теперь такая незадача!

– Пойдем, уложу тебя в кровать, – велела я.

Мы перебрались в Манюнину спальню.

– Ужасно, – всхлипывала Машка. – Приготовили с Кирюхой спектакль-розыгрыш, хотели Саньку удивить, а теперь все, да? Скажи, я к завтрашнему утру поправлюсь, а?

– Маловероятно, – осторожно ответила я.

Маня зарыдала, я подошла к ней и увидела, что розовый халат девочки и воротник покрывают пятна.

– Что ты ела? – насторожилась я.

– Торт из черники, – всхлипнула Маня. – Вон тарелка!

Я взяла стоящее на столике блюдечко.

– Это явно не черника!

Маня перестала рыдать.

– Черника. Вон одна ягодка осталась, ими кусок сверху был посыпан.

Я сунула черненький комочек в рот, ощутила характерный вкус и воскликнула:

– Это смородина!

– Черника. Я в кафе попросила: дайте с собой торт с черникой.

– Они перепутали.

– У меня же аллергия на смородину, – подскочила Маня. – Что же делать?

Я быстро сбегала вниз и притащила таблетки.

– На, выпей кларитин, классное средство, действует очень быстро.

– Да? – с сомнением поинтересовалась Машка, глотая лекарство. – Думаешь, поможет?

– Стопроцентно, – заверила я, – и как ты только не поняла, что ешь смородину, у нее же совсем иной вкус, чем у черники!

Маня ткнула пальцем в телевизор.

– Триллер смотрела, дико страшный, прямо тряслась вся, и не почувствовала разницу.

– В другой раз следует быть аккуратней, – менторским тоном заявила я и ушла к себе.

С мыслями о том, что меня снова сейчас начнет терзать бессонница, я легла на свой жутко неудобный матрас, но сон

отчего-то пришел сразу. Не успела я натянуть одеяло на голову, как веки закрылись, тело расслабилось, и наступила темнота.

– Муся! – заорал кто-то над ухом.

От неожиданности я вскочила на ноги, тут же упала назад на кровать и закричала:

– Что случилось? Что? Кому плохо?

– Мусик, – зашептала стоящая возле моей постели Машка, – ты чего орешь? Разбудишь всех! Ты спала?

– Ну да, – растерянно ответила я, – что же еще делать в два часа ночи?

– Извини, – слегка обиженно протянула Машка, – я предполагала, ты волнуешься о здоровье больного ребенка. Места себе не находишь, вот и прибежала тебе сообщить: кларитин – волшебное средство! Помог сразу – ни насморка, ни кашля, и чихать я перестала! Просто таблетка от всего! Теперь буду принимать только его! Ура! Я пойду к Сашке на день рождения! Господи, как просто, съела кларитин – и кайф! Ура кларитину! Ура! Ура! Ура!

Глава 9

Утро в нашей семье началось стандартно. Сначала Зайка поругалась с Кешей. Повод для ссоры остался мне неизвестен, но, услышав вопль Ольги: «Ага, вот ты какой!», я предпочла не высовываться из спальни. Потом забубнил Дегтярев:

– Маня, хватит жвачиться! Сколько можно собираться, я вот за пять минут оделся.

– Если б я согласилась выглядеть как ты, то мне и трех мгновений хватило б, – мигом взвилась Манюня. – Посмотри в зеркало! Рубашка мятая, брюки в пятнах...

– Так жарко, – попытался оправдаться полковник.

– И при чем тут измазанные брюки?

– Я мороженое ел!

Я хихикнула, слышала, что заскрипели дверные петли, и быстро притворилась спящей.

– Мусик, – прошептала Машка, – храпишь?

Я старательно засопела. Маня подошла к моему шкафу, пошуршала чем-то и убежала. Я же внезапно заснула по-настоящему и очнулась лишь тогда, когда Ирка вошла в комнату с пылесосом и заорала:

– Вы не заболели? Обед уже!

– Дома есть кто? – потрясла я гудящей головой.

– Нет.

– А Катя куда подевалась?

– Эта? – скривилась Ира. – Ее Маня с собой увезла! Ну и цаца, доложу я вам! Маленькая, да такая противная. Прикиньте, что мне заявила: «Вы не подогрели тарелки, и омлет из-за этого опал». Во как! Ну и ну! А собачка симпатичная, Зифа эта, по дому бегает, с нашими подружилась!

Бурча себе под нос, Ирка стала шуровать железной трубкой под столом, я быстро побежала в ванную. Не считите меня занудой, но в данном конкретном случае Катя совершенно права. Омлет следует раскладывать на горячую посуду, тогда он сохранит свою пышность. Но Ирка не обращает внимания на подобные мелочи, поэтому мы частенько едим нечто, больше похожее на блины, чем на омлет.

Покосившись на мрачную Ирку, я стала пятиться к двери и в тот же момент услышала деликатное попискивание мобильного. С тех пор, как все вокруг оснастили свои трубки невероятными мелодиями, я включила самый простой звонок. Я поднесла аппарат к уху и застонала. О нет, только не это!

– Дашута, – затарахтела моя давнишняя приятельница Светка, – такой рецептик нашла! Записывай...

– Угу, – покорно отозвалась я, даже не собираясь брать бумагу с ручкой, – вся внимание...

У многих женщин бывают хобби. Оксана, например, страстная кулинарка, она готова стоять у плиты часами, делая фаршированную щуку. Лена Мордвинова вяжет, Оля Ря-

бинина шьет, Нелли Суслова разводит цветы, но Светка отличается от всех. Знаете, как она обожает проводить свободное время? Светунчик делает домашнюю косметику. Впрочем, очень многие женщины не пользуются покупными средствами. Я сама в советские времена смешивала в чашке один желток, ложечку подсолнечного масла, пару капель лимона и накладывала получившуюся маску на лицо. Насколько помню, от веснушек хорошо помогал очень кислый кефир, от отеков – пюре из сырой картошки, а из огурцов и водки получался великолепный лосьон. Но, повторяюсь, я увлекалась приготовлением масок и кремов в прежние годы, когда в магазинах ничего подобного было не сыскать. Но сейчас-то! Зачем мучиться, если можно пойти и купить все, что нужно! Правда, стоит качественная косметика хороших денег, но ведь для себя, любимой, ничего не жалко.

Но у Светки иное мнение. Средства для ухода за лицом и телом она делает сама. Вот, допустим, маска из клубники. Вроде она отбеливает, освежает, тонизирует... Ну и как я поступала раньше? Брала пару ягодок, разминала вилкой и намазывала лицо и шею. Процесс подготовки занимал две минуты. Но Светка не такая! Пару недель назад она приехала ко мне в гости, имея при себе чудодейственный рецепт. Клубничка, сметана и сливки. Сметану следовало подогреть на паровой бане. Ягодки протереть сквозь сито, при этом удалив из них все зернышки. Кто хоть один раз видел эту вкусную и полезную ягоду, поймет глобальность задачи. Слив-

ки предстояло взбить, причем не миксером, а специальным венчиком... В общем, Светка трудилась около часа, а потом, всучив мне в руки мисочку, велела:

– Иди в ванную, налей воду, температура должна быть тридцать шесть градусов.

– Не больше и не меньше? – хихикнула я, но Светка юмора не поняла.

– Ага, – кивнула она, – именно так! Наложить маску на лицо, сядешь в ванну, включишь музыку...

– Какую? – решила уточнить я.

Светка задумалась.

– Любую, чтоб расслабиться. Ты от чего успокаиваешься?

– От сигареты, – честно призналась я, – и шоколадки, а еще детективчик хорошо почитать...

– Ни в коем случае, – взвизгнула подруга, – все вышеперечисленное – яд для кожи!

– И книга?

– Да!!! На глаза следует положить ватные компрессыки, пропитанные чаем!

– Укажи сорт листа! Цейлонский, индийский, китайский... Потом зеленый или черный?

– Это без разницы, – отрезала Светка, – ступай.

Держа в руках мисочку, я покорно пошла в свою ванную комнату, посмотрела на смесь сметаны, клубники и сливок, понюхала ее, лизнула, а потом, не сумев удержаться, слопала всю без остатка.

Светке я, естественно, ничего не сказала, и подруга затем долго восхищалась моим цветущим видом.

Остановить Свету в момент рассказа о новом потряса-а-ающем рецепте невозможно, поэтому сейчас мне пришлось слушать ее звонкий голос и изредка выдавливать из себя:

– Угу! Поняла! Вытащить из килограмма огурцов все семечки...

Ясное дело, что избавилась я от Светки не скоро.

В Грызово я заявила в самую жару. Часы показывали ровно два, солнце немилосердно палило. Погода брала реванш за пронзительно холодный май и бессовестно дождливый июнь.

Я остановилась около небольшого магазинчика и вошла внутрь. Ох, сдается мне, корни произошедших событий зарыты в Грызове. Никакого манекена не было, Соня случайно убила девочку, местную, из грызовских. Другие никак не могли оказаться поздно вечером на дороге. Ребенок не жил в «Ниве», тогда бы от его родителей попросту откупиться не удалось. Следовательно, надо порасспрашивать пейзан. Обязательно найдется тот, кто знает правду, на то она и деревня. В маленьком поселке практически невозможно сохранить тайну, как ни старайся, а истина выплывает. И еще обычно лучше всех о местных происшествиях знают три человека: медсестра, глава администрации и... продавщица сельпо. Именно к последней стекаются все сплетни. Соберутся бабы у прилавка и начнут судачить, перемывать кости соседям.

После яркого солнечного дня внутри магазина мне сначала показалось темно. Потом глаза привыкли, и я увидела полки, заставленные всякой ерундой. Вот уж не думала, что в Подмоскovie сохранились лавки, где вперемешку на стеллажах громоздятся рыбные консервы, тушенка китайского производства, мыло, веревки, помидоры, спички, электроплитки, ведра, сметана, творог и колбаса сомнительного происхождения.

Продавщица, необъятная тетка весом под тонну, отложила газету и с тяжелым вздохом осведомилась:

– Чево хотите?

– Водички попить, – приветливо улыбнулась я, изо всех сил пытаюсь расположить к себе бабу.

– Какую тебе?

– Минералку, если можно.

– Не держу такое в магазине.

– Почему?

– Кто ж ее тут покупать станет? Вода в колодце есть забесплатно! Если очень пить хочешь, возьми-ка кружку да ступай во двор, зачерпни из ведра, – разрешила бабища.

Я последовала ее совету. Несмотря на жару, вода оказалась ледяной, и у меня заломило зубы.

Вернувшись назад, я спросила:

– Кружечку помыть?

– Так поставь.

– Неудобно, потом чаю захотите, а посуда грязная.

– Ха! Дала бы я тебе свою чашку! Это общая, из нее все пьют.

У меня мгновенно возникло желание схватить зубную щетку, но осуществить задуманное было нереально, оставалось лишь злиться на себя за то, что не взяла одноразовую посуду.

– Ты просто так мимо ехала? – продолжала расспросы торговка.

Ответить я не успела. В лавчонку ввалился мужик и заорал:

– Зинк! Хлеб есть?

– Не привезли.

– Почему?

– По кочану.

– Понял, – кивнул дядька, – после шести, значит.

Оглушительно топая, он ушел, Зина оперлась о прилавок.

– Дело у вас какое? Или просто гуляете?

Я округлила глаза.

– Ну... в общем, в двух словах и не рассказать.

На лице Зинаиды появилось выражение детского восторга.

– Я никуда не тороплюсь, – заверила меня она, – времени до усрачки.

– Скажите, вы давно в Грызове живете?

– Родилась тут.

– Всех, наверное, знаете.

– А как же, – подбоченилась Зина.

– Может, вспомните, не пропадали ли у кого дети? Девочка-подросток?

Зина усмехнулась:

– А тебе зачем?

– Надо.

– Ишь какая! Я рассказывай, а она рот на замок! Сначала сама говори!

Я навалилась на доску, разделявшую нас с Зиной, и, понизив голос, спросила:

– Тайны хранить умеешь? Никому не разболтаешь?

Зинаида постучала большим кулаком по подушкообразной груди:

– Могила!

И тут в магазинчик ввалилась баба, черноволосая, тощая, похожая на потрепанную ворону. Мы мгновенно замолчали.

Блестя глазами, бабенка прогундосила:

– Зинк! Хлеб есть?

– Неа, приходи, Таньк, в ужин.

– Ага, понятно, – кивнула Таня, но не ушла.

Она принялась медленно ходить вдоль прилавков, вздыхать, одергивать застиранный ситцевый халат и чесать голову. Затем вытащила из кармана потертый кошелек и стала перебирать монетки.

– Шла бы ты домой, – не вытерпела Зина, – булки после

шести привезут.

– Ага.

– Ступай.

– Уж и постоять нельзя. Да вы болтайте себе, – разрешила Таня, – я не слушаю совсем.

Зина подмигнула мне и сказала:

– Тушенку покупать не стану. Ишь, заломила по сорок рублей за банку. Сама за такие деньги жри!

Я тут же включилась в игру.

– Ну ты жадная! На складе по тридцать девять беру! Мне заработать тоже надо!

Таня помаялась еще несколько секунд, а потом выскочила за дверь.

– Во дрянь! – воскликнула Зина. – Прямо чует, когда о важном толкуют! Мигом прибежит и уши греет! А ты сообразительная! Другая и закудахтать могла: «Какая тушенка?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.